
К ПРАИСТОРИИ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА (о фактах, свидетельствах и логике)

И. М. ДЬЯКОНОВ (Ленинград)

I

Уже несколько лет в научно-популярной и отчасти научной печати Армении идет дискуссия об армянском этногенезе. Собственно говоря, если считать дискуссией «обсуждение спорного вопроса для выяснения разных точек зрения»¹, то никакой дискуссии не происходит: во-первых, пока высказывались сторонники только одной точки зрения, а именно той, согласно которой армяне, говорившие именно на армянском языке, и жили в Армении и говорили на нем «искони»; если один автор датирует армянский язык в Армении XXV в. до н. э., а другой—IV тыс. до н. э., то это нельзя назвать разными точками зрения: все это объемлется понятием «искони», то есть до великих цивилизаций хурритов, хеттов-лувийцев и ураргов. Во-вторых, для того, чтобы была дискуссия, нужно ясно определить не только позиции сторон, но и самый предмет дискуссии. Если это вопрос о том, являются ли армяне прямыми биологическими потомками населения, обитавшего на Армянском нагорье со времен позднего неолита—раннего бронзового века, то на него можно ответить только однозначно: да, конечно, являются. Если предмет дискуссии—это вопрос о том, являются ли армяне носителями и продолжателями культурных традиций тех великих цивилизаций, которые создавались здесь со времени средней и поздней бронзы до конца эпохи древности, то тут дискутировать нечего: этот вопрос безусловно решается положительно.

По, как мне приходилось уже отмечать², проблема этногенеза распадается в действительности на три разных вопроса: 1) каково биологическое происхождение народа; 2) каково происхождение культурных традиций народа; 3) каково происхождение нынешнего языка народа. Надо ясно представить себе, что это три различных вопроса, и ответ на них не обязательно будет одинаков. Прямое отождествление языкового, биологического и культурного этногенеза является крупнейшей методологической ошибкой, что было установлено еще в конце прошлого века.

Я убежден, что никто из моих армянских коллег не стоит на позиции отождествления происхождения языка и происхождения биологической расы: просто все дело в том, что фактически дискутируется вовсе не проблема армянского этногенеза в целом, то есть не происхождение армянского народа как социально-исторического, культурного, языкового и биологического целого, а только проблема армянского глоттогенеза, т. е. происхождения армянского языка.

Как и другие положения, выдвинутые в моей книге, посвященной этногенезу армян (и вообще теоретическим проблемам этногенеза)³, положение о тройном характере проблемы игнорировалось участниками дискуссии. Что до меня, то, хотя меня и приглашали принять участие в дискуссии, я пока не считал нужным в ней выступать: поскольку в упомянутой книге я уже высказал и очень подробно аргументировал свою точку зрения на эту проблему, постольку хотелось подождать, пока участники дискуссии выдвинут новые факты, новые логические заключения, к которым я мог бы присоединиться или по поводу которых можно было бы поспорить. Однако до

¹ См. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935, т. I.

² И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968 (ниже ПАИ), раздел «Основные принципы изучения этнической преемственности», с. 7—9; «Принцип подхода к этнонимическим терминам», с. 195—198.

³ См. прим. 2.

сих пор серьезных аргументов против моей точки зрения я не видел и теперь не вижу, и вообще моя книга участниками дискуссии либо обходилась молчанием, либо упоминалась мимоходом, без разбора моих аргументов (причем нередко мне приписывалось то, чего я вообще не утверждал).

Меня приглашали участвовать в дискуссии об армянском этногенезе; происходит же дискуссия об армянском глоттогенезе. Не касаясь этногенеза во всех трех его аспектах, выступавшие авторы фактически заняты исключительно вопросом о древности армянского языка на его исторической территории. Это не то, что меня приглашали дискутировать, ибо общий этногенез вовсе не сводится к древности современного языка на данной территории. Правда, абсолютную дату возникновения какого-либо языка и тем более территорию, на которой он возник, пока нельзя установить чисто лингвистически, не сверяясь с данными истории, археологии, палеоботаники, палеозоологии и антропологии. Этого до сих пор выступавшие авторы либо вовсе не делали, либо делали непрофессионально, потому языковой аспект этногенеза армян они и не смогли раскрыть убедительно.

В прошлом году Р. Ишханян прямо выступил против меня и моей книги «Предыстория армянского народа»⁴ в статье-рецензии под заглавием «Без фактов и свидетельств не может быть достоверного исторического труда»; в тексте статьи он утверждает, что в моей работе нет не только «фактов и свидетельств», но нет и логики⁵. Беспрецедентной в науке является уже сама публикация рецензии на книгу спустя почти 15 лет с ее опубликования. А обвинения того рода, какие содержатся в заглавии и в тексте рецензии Р. Ишханяна, адресованные человеку, который почти полвека работает в исторической науке, тоже представляются мне некоей новинкой в доступной мне исторической литературе—это, по-моему, попросту брань, на которую как-то совестно отвечать. Но выступление Ишханяна, которое Ереванский университет счел возможным опубликовать в своем официальном издании, кажется мне симптоматичным. Ишханян уверяет читателя, что он «пытается сжато изложить содержание» рецензируемого им моего труда. Это утверждение не соответствует действительности: автор лишь выдергивает из моей концепции одни положения (те, которые кажутся ему легче опровержимыми), умалчивает о других и искажает мою концепцию в целом⁶. Поэтому—и учитывая то обстоятельство, что моя книга вышла так давно, что стала библиографической редкостью,—я счел ныне нужным выступить перед современным армянским читателем с изложением моей действительной концепции и моих действительных аргументов, а также с разбором некоторых (как мне представляется, наиболее важных) положений, которые были высказаны в ходе дискуссии в защиту иной точки зрения. Иной точки зрения—подчеркну еще раз—не на проблему армянского этногенеза во всех его трех аспектах, а только на один аспект: на предысторию армянского языка на Армянском нагорье и, возможно, за его пределами. Я считаю себя вправе высказаться по данному аспекту армянского этногенеза как потому, что и он не может быть разъяснен без привлечения исторических фактов и свидетельств, так и потому, что выступавшие до сих пор авторы, лингвисты и историки, не смогли привести убедительных доводов в пользу своей точки зрения. Поэтому, быть может, целесообразно выступить и мне.

Выступления по ходу дискуссии, которые были мне до сих пор доступны, можно разделить на две группы. Первая—это статьи чисто лингвистического характера (О. С. Широкова, Г. Клычкова)⁷. Не со всеми частными положениями этих статей

⁴ Р. Ишханян. Без фактов и свидетельств не может быть достоверного исторического труда.—Ереванский университет. Научно-информационный журнал. 1982, № 2, с. 30—34.

⁵ Там же, с. 34.

⁶ Там же, с. 31.

⁷ О. С. Широков. Армяно-греческие этногенетические контакты по данным сравнительно-исторической фонологии.—Историко-филологический журнал. 1977, № 1,

можно согласиться; при этом Г. Клычков пытается противопоставить традиционной технике лингвистической реконструкции некий новый подход. Такие попытки не раз делались и раньше; здесь не место обсуждать достоинства той или иной методики — важно, что чисто лингвистические результаты при любой методике получаются примерно одинаковыми. Возражения мои по этим статьям сводятся к тому, что авторы неоправданно считают, что ими решается проблема этногенеза, то есть проблема историческая; между тем ни тот, ни другой автор не оперирует никакими историческими фактами и свидетельствами. Лингвистический вывод О. С. Широкова таков: «...явно преобладают греко-армянские соответствия, армяно-арийских и греко-армяно-арийских меньше, но и они составляют значительный и древний пласт лексики. Если учесть, что имеется и большее количество греко-арийских исключительных соответствий, которые могли просто не сохраниться в позже засвидетельствованном армянском <...>, то мы можем предполагать о существовании южной древнеиндоевропейской греко-армяно-арийской диалектной области»⁸. С этим, я думаю, согласятся все лингвисты, занимавшиеся этим вопросом внимательно (правда, я предлагал называть эту группу индоевропейских языков не «южной», а «восточной») ⁹.

С дальнейшими замечаниями автора согласиться труднее. Так, я не вижу «также соответствия этой индоевропейской диалектной области (и в частности, именно армянского) с хетто-лувийскими (анатолийскими) языками»¹⁰: речь идет частью о таком индоевропейском материале (притом не слишком обильном), который восходит ко времени до разделения индоевропейской общности, частью же о позднейших заимствованиях в армянский из хетто-лувийского субстрата¹¹. Отсутствие четких генетических связей исключительно между армянским и хетто-лувийским как раз говорит против того, чтобы восточно- (или «южно-») индоевропейское диалектное единство могло сложиться вблизи обитания носителей хетто-лувийских языков, в частности на Армянском нагорье. Неточны некоторые фактические данные: так, сем. *sisū, sīs* «лошадь» восходит к шумерскому *si-si* и не имеет никакого отношения к н.-е. **sk'uos* «лошадь»; иначе следует объяснять арм. *шрднի* «орел»¹² и некоторые другие глоссы. Автор нередко неправомерно принимает греческие субстратные и лепетные слова за доказательства непоследовательности перехода п.-е. **k'* > греч. *k* (что, впрочем, к рассматриваемой проблеме отношения не имеет). Это, однако, мелочи, не опровергающие основного тезиса автора, процитированного нами выше. Но «не работает» предложенное Широковым типологическое сопоставление в области фонологии между индоевропейскими, северокавказскими и афразийскими языками — трючность взрывных согласных, так как это явление охватывает огромный ареал, включая, по существу, и другие индоевропей-

с. 85—100; он же. Место армянского языка среди индоевропейских и проблема армянской прародины.—Вестник общественных наук АН АрмССР (ВОНА). 1980, № 5, с. 60—93; Г. Клычков. Модель глоттогенеза армян.—ВОНА. 1980, № 8, с. 87—99.

⁸ О. С. Широков. Место армянского языка..., с. 89.

⁹ И. М. Дьяконов. О прародине носителей индоевропейских диалектов.—ВДИ. 1982, № 3, с. 7—10.

¹⁰ О. С. Широков. Место армянского языка..., с. 89. При просмотре примеров Широкова я нашел очень мало хетто-лувийского сравнительного материала.

¹¹ Таково, например, ареальное явление редупликации как словообразовательного элемента в хетто-лувийских (скорее всего в восточнолувийском) и в армянском, отмеченное Н. Мкртчяном: Редупликация глаголов в хеттском и армянском.—В кн. Древний Восток (ДВ). II. Ереван, 1976, с. 76—85. Явление явно не древнее в общепиндоевропейском плане. Ср. также Дж. Греппин. Лувийские элементы в армянском языке.—ДВ. III. Ереван, 1978, с. 115—126, 267—268; J. A. C. Greppin. *Arméno-Luwica*.—REA III (n. s.). XIII (1978), p. 7—13.

¹² Слово это, вероятно, урартское, так как сохранилось и во многих других восточнокавказских языках.

ские языки, кроме «южных», а также всю Северную Африку; следовательно, нет оснований привязывать это явление к контактам в области Армянского нагорья.

Я оставляю в стороне соображения Широкова в области фригийского¹³. Они уже устарели. Сейчас готовится к печати первая грамматика и словарь фригийского, где факты предстают в совершенно ином виде¹⁴. Так, фриг. *Vaḡaiōs* не значит «бог», *zēdu* не значит «вода», глосса *γελάρος* «сноха» у Гесихия представляет собой порчу текста, а фриг. *azen(w)* «борода» дает такое же передвижение согласных, как и в арм. *ծնակ*.

Таким образом, выводы О. С. Широкова в отношении позиции армянского среди других индоевропейских языков (а именно, как центрального среди восточноиндоевропейских) правильны, но они не дают указания на местоположение прародины армянского языка и не имеют никакого отношения к исторической проблеме этногенеза армян.

То же самое, в общих чертах, можно сказать и о статье Г. Клычкова. Взаимоотношение армянского с другими индоевропейскими языками в ней показано в виде весьма наглядной диаграммы¹⁵, с которой я во всем главнейшем согласен. Из нее вытекает, что по своей близости к армянскому индоевропейские языки располагаются в следующем порядке: 1) греческий, 2) итальянские, 3) балто-славянские, 4) иранские и индийские; остальные индоевропейские языки менее близки к армянскому. Мне кажется, автор преувеличивает близость итальянских, я поставил бы их после индоиранских и, во всяком случае, после балто-славянских.

Самое любопытное в этой схеме то, что она почти один к одному совпадает с аналогичной схемой, независимо построенной мною для фригийского языка; степень близости других индоевропейских языков к фригийскому оказывается следующей (преднамеренно опускаю из перечня армянский): 1) (фракийский)¹⁶ или греческий; 2) греческий (или фракийский), 3) балто-славянские, 4) иранские и индийские, 5) итальянские. Таким образом, и фригийский оказывается центральным языком среди восточноиндоевропейских.

Конкретное место итальянских языков в принципе не меняет лингвистической картины, но само их наличие в этих двух перечнях говорит против Армянского нагорья как места контактов. Существенно, что даже независимо от позиции итальянских из диаграммы Г. Клычкова никак не вытекают его конечные выводы, основанные вовсе не на этой в общем-то бесспорной диаграмме, а на других соображениях.

Автор обращает внимание на некоторые особенности армянского на фонетическом уровне, и в частности на возможность реконструировать в нем глоттализированные взрывные согласные (и аффрикаты), которые встречаются в северокавказских, картвельских, а из индоевропейских—в ряде северных армянских диалектов и в осетинском. «Вне ареала контактов с кавказской языковой областью,—пишет Клычков,—в индоевропейских языках глоттализированные взрывные не встречаются <...>. Описанные выше отношения индоевропейских и армянских согласных не укладываются в обычную модель глоттогенеза»¹⁷. Все это верно. Но автор предлагает снять противоречие путем введения «глубинных» этимологофонологических словесных структур и, соответственно, не только хронологической, но и структурной глубины <...>. Для армянского языка характерно наибольшее среди индоевропейских приближение к протоиндоевропейской глубинной модели [где, по В. В. Иванову и Т. В.

¹³ О. С. Широков. Место армянского языка..., с. 92.

¹⁴ I. M. Diakonoff, V. P. Neroznak. Phrygian (в печати).

¹⁵ Г. Клычков. Указ. соч., с. 88.

¹⁶ Фракийский засвидетельствован только топонимами и единичными глоссами у греческих лексикографов, поэтому для сопоставления с фригийским приходилось брать фонетические изоглоссы и лишь редко—лексические; следовательно, точная степень близости между фригийским и фракийским остается под сомнением, но она, несомненно, велика.

¹⁷ Г. Клычков. Указ. соч., с. 98.

Там: ридзе, также реконструируются позже исчезнувшие глоттализированные взрывные согласные,—И. Д.], т. е. к тому хронологическому уровню, который обычно относится ко времени не позднее V тысячелетия до н. э.»¹⁸ Другими словами, армянский **будто бы** сохранил не только фонологическую систему, но прямо фонетику индоевропейского языка в течение семи тысячелетий! Факт уникальный в истории языков—если только он верен¹⁹. Мы пытались в другом месте показать, что армянская фонетика среди индоевропейских языков является не первичной, а как раз вторичной (хотя и очень древней). Характерна близость армянской фонетики к урартской²⁰. Я предложил этому явлению иное объяснение, чем Клычков, более простое и не требующее прибегать к глубинным этимологофонологическим структурам: как обычно бывает, когда народ после длительного периода двуязычия принимает новый язык, этот народ (в данном случае урарты, хурриты, лувийцы, воспринявшие протоармянский язык) сохраняет свою фонетику. Иначе говоря, армяне—это прежде всего потомки урартцев, принявших индоевропейский язык, но сохранившие собственное произношение (артикуляционную базу или, говоря бытовым языком, «акцент»)²¹,—но также потомки хурритов, лувийцев и, конечно, первоначальных носителей собственно протсармянского языка.

Г. Клычков думает, что «этногенез армян, по-видимому, отличался очень коротким периодом образования наддиалектной нормы (койне), предшествовавшим возникновению письменности»²². Другими словами, с момента отделения армянской ветви от праиндоевропейского единства до возникновения некоего устного соответствия грабару (письменному древнеармянскому) протек лишь кратчайший период, и армяне говорили на языке, вполне схожем с грабаром, задолго до того, как урарты заговорили на армянски. Но очень плохо, когда лингвист, ухватившись за один лингвистический «уровень» (в данном случае Г. Клычков балансирует между фонологией и фонетикой), забывает о других языковых «уровнях». Уже грабар—я имею в виду не мифический грабароподобный язык предшествующих тысячелетий, а засвидетельствованный письменностью армянский язык V и следующих веков н. э.—дает картину резкого сокращения всех безударных и особенно конечных гласных: он практически лишился всей односложной именной и глагольной общиндоевропейской флексии; сохранившиеся

¹⁸ Там же.

¹⁹ Сохранение глубинных архаизмов характерно преимущественно для изолированных языков; так, исландский язык, распространенный на отдаленном острове, почти полностью сохраняет морфологию и лексику своего предка—древненорвежского IX—XI вв. н. э. Но как раз фонетически исландский претерпел серьезные изменения. Другой пример являют собой балтийские языки, где изолирующим фактором, видимо, являлась лесная зона обитания. Морфология и лексика литовского, как кажется, довольно широко сохраняет протобалтское состояние, а в фонетике он сохранил тоновую структуру вплоть до XX в. Однако расстояние во времени от литовского до протобалтского все же раза в три короче постулируемого Г. Клычковым периода неизменности армянского языка.

²⁰ На близость армянской фонетики к урартской указывал еще А. С. Гарибян в 40-х гг. Ср. И. М. Дьяконов. Материалы к фонетике урартского языка.—В кн.: Вопросы фонетики и истории восточных языков. М.—Л., 1958; здесь указано, в частности, что армянские фонемы /t/ t' и слабое /r/ r', нехарактерные для индоевропейских фонетических систем, существовали уже в урартском (с. 43—44). В остальном статья устарела. Сейчас можно добавить, что в урартском, очевидно, существовало противопоставление с' и с и, возможно, с' и с̄, откуда арм. с и с' (ժ, ջ), с̄ и с' (ճ, ջ).

²¹ Ср. ПАН, с. 231, 242.

²² Г. Клычков в. Указ соч., с. 99. Создание и сохранение в течение тысячелетий единой наддиалектной нормы в стране, где долины в древности были изолированы друг от друга не только горами, но и густыми лесами—явление исторически крайне маловероятное.

двусложные флексии, утерав конечный гласный, распространились на те формы склонения, которые старую флексию утерали совсем—и в результате получилась картина, ставшая армянский как бы вне грамматической типологии древних индоевропейских языков. Это, между прочим, делает армянские слова внешне совсем не похожими на слова наиболее близкого к армянскому—греческого языка (а также фригийского). Не это, конечно, отнюдь не древнее, а вторичное явление. Причина его довольно очевидна: замена общиндоевропейских мелодических тонов и слабого подвижного экспираторного ударения—они были характерны для всех архаических индоевропейских языков—сильным ударением, фиксированным на предпоследнем слоге, что, как известно, приводит универсально к падению предударных кратких и особенно послеударных (как кратких, так и долгих) гласных. Такая необычная для древних индоевропейских языков и резкая перемена имеет, конечно, ту же причину, что и глоттализация согласных—характер фонетики языкового субстрата, в данном случае урартского, где прослеживается тот же тип ударения и даже начатки усечения конечных гласных²³. Таким образом, нарисованная у Клычкова фонетическая картина армянского языка не только не говорит о сохранении этим языком глубочайшего архаизма, а напротив, показывает, что армянский язык прочно ложится на (хуррито-урартском) языковом субстрате.

Против глубокой древности армянско-кавказских контактов (а при этом мы должны прежде всего думать о контактах с носителями хуррито-урартских диалектов, поскольку эти диалекты, входя в восточнокавказскую семью²⁴, были несомненно автохтонными по крайней мере в Закавказье, если не на всем Армянском нагорье) говорит один очень простой и очевидный факт: все хуррито-урартские и лувийские заимствования, как и все соответствующие топонимы, воспринятые армянским языком, не претерпели тех фонетических изменений, которым в армянском подверглись слова коренного индоевропейского фонда. Это значит, что контакты (прото)армянского с лувийским, хурритским и урартским начались только тогда, когда все «армянские передвижения» уже закончились. Так, хуррито-урартское **sa(l)logi* «слива» дало арм. *salog*, в то время как общиндоевропейское **sal* «соль» дало арм. *ał*; лувийское заимствование *a(p)ra* (<и.-е. **eri/o*) дало армянский предлог *ара* с точным сохранением всей семантики этого лувийского слова, но собственно индоевропейский предлог-союз **eri/o* дал в армянском союз *ew*. Нет случаев передачи *g, d, w* в урартских топонимах как *k, t, g*²⁵ при их переходе в армянскую топонимику, между тем как праиндоевропейские **g, *d, *u*-регулярно дают арм. *k, t, g*-, например, *get* «река» <и.-е. **ued-* «вода», *kov* «коровы» <и.-е. **o^wou-* и т. п.

²³ Об урартском ударении см. в кн.: М. Л. Хачикян. Грамматика хурритского и урартского языков (в печати).

²⁴ И. М. Дьяконов, С. А. Старостин. Хуррито-урартские языки как восточнокавказские языки.—В кн.: М. Л. Хачикян. Указ. соч.

²⁵ Единственный пример кажущегося противоречия этому правилу—сопоставление урарт. топонима *Weliku-* с арм. *Geřak-un*—остается спорным из-за различия в огласовке. По поводу отражения урартских согласных в древнеармянском см. обильный материал в кн.: I. M. Diakonoff, S. M. Kashkai. Geographical Names According to Urartian Texts.—In: Répertoire géographique des textes cunéiformes. T. 9. Wiesbaden, 1981.—Пример с *ара* нам указала А. Г. Перихалян. Ею же сделано следующее наблюдение: рефлекс хуррито-урартского этно-топонима *Abili-* в армянском сохраняется в знатном родовом имени *Abēřeapik'*. Если бы носители протоармянского языка были абортгенами Армянского нагорья, искони контактировавшего с хурритами и лувийцами, то в армянском наблюдалось бы **awa* (< лув. *ара*) и **Aweřeapik'*. То же явление, с некоторым удивлением, констатировал Дж. Греггин, см. ДВ. III, с. 115.

К самой проблеме армянского этногенеза Г. Клычков, как и О. С. Широков, не подошел.

Вторую группу работ, появившихся в ходе дискуссии об армянском этногенезе (или, вернее, глоттогенезе), составляют работы исторического содержания, претендующие на то, что они доказывают «исконность» армянского языка на Армянском нагорье. Это статьи В. Н. Хачатряна, М. А. Катваляна, А. Мнацаканяна и других²⁶. Боюсь, что место не позволит рассмотреть все эти работы подробно; остановлюсь только на тех, которые подходят к делу наиболее кардинально: поскольку авторы—историки, а не лингвисты, можно было бы ожидать, что они рассмотрят проблему этногенеза комплексно.

Начнем с работы В. Н. Хачатряна «Наири и Армина», в которой концепция исконности армянского языка изложена наиболее развернуто. Статья начинается со следующей фразы: «В специальной литературе существует ряд гипотез о происхождении армянского народа. Согласно одной из них, армяне имеют фригийское происхождение. Приверженцы другой относят армян к урумейцам или хайасцам». Утверждение весьма удивительное. Автор, который утверждал, что армяне—это «фригийские отселенцы», жил почти 2500 лет назад. Это греческий историк Геродот. На чего именно ссылался и Я. А. Манацкян²⁷. Но напрасно В. Н. Хачатрян отзовет меня²⁸ к числу тех, кто считает, что «армяне имеют фригийское происхождение». Никогда ничего подобного я не утверждал²⁹. Я говорил другое—что древнейший армянский (протоармянский) язык относился к одной группе индоевропейских языков с фригийским и фракийским, которые

²⁶ В. Н. Хачатрян. Хайасцы.—ВОНА. 1972, № 8, с. 32—41; он же. Хайасцы и Наири.—ВОНА. 1973, № 11, с. 37—47; он же. Наири и Армина.—ВОНА. 1976, № 8, с. 59—72; он же. Страна Хаик' в составе Урарту.—ВОНА. 1980, № 6, с. 101—112; М. А. Катвалян. Процесс образования единого государства на Армянском нагорье и слияние абортгенных племен в IX—VI вв. до н. э. (автореферат диссертации) Ереван, 1980; А. Мнацаканян. Армянские наместники Армении в период владычества урартов и ассирийцев.—ВОНА. 1981, № 2, с. 74—87. Начало всему движению за утверждение исконности армянского языка и за отрицание или преуменьшение значения древних великих цивилизаций на Армянском нагорье было положено пресловутым сочинением С. М. Айвазяна «Расшифровка армянской клинописи» (Ереван, 1963).

²⁷ Հ. Մանակյանի Բնակիչ տեղանիշների համընդհանրական ցանկը, Երևան, 1944, էջ 12—23. См. ниже, с. 167 сл.

²⁸ В. Н. Хачатрян. Наири и Армина, с. 60. Автор утверждает, будто я приписываю распространение мушквов по Армянскому нагорью тому, что урарты переселяли пленных, но не дает точной ссылки (надо: ПАН, с. 233). Однако в этом месте я говорю лишь о том, что урартская политика переселения жителей (не взятых в бою) тоже содействовала распространению протоармянского языка. Такое же явление наблюдается в Ассирии в отношении арамейского языка.

²⁹ Подробно моя концепция по этой проблеме изложена в ПАИ, с. 204—206. Мой вывод содержится на с. 208: «...протоармяне могли участвовать в общем движении фрако-фригийских племен конца II тысячелетия до н. э., но не в качестве части фригийцев, а в качестве отдельного народа или племенной группы». См. там же: «...личностические данные показывают, что фригийский и древнеармянский разделились, отойдя от общего языка-основы, значительно раньше: древнеармянский—особый язык фрако-фригийской ветви, а не диалект фригийского языка». См. также И. М. Дьяконов. Место фригийского среди индоевропейских языков.—В кн.: ДВ. II. Ереван, 1976, с. 160 («фригийский язык находится, как диалект индоевропейского, между греческим <...> и армянским...»). Первая (и устаревшая) моя работа, посвященная этой проблематике, вышла на армянском языке в «Известиях АН АрмССР», 1956, № 11, с. 57 и сл., но в тут говорилось, что «армянский язык является самостоятельным, хотя и родственным ответвлением от фрако-фригийского языка-основы, восходящим к ней не через посредство фригийского, а прямо».

занимали центральное место среди восточноиндоевропейских. Это позволяло соседям терминологически объединять их под одним обозначением³⁰. Если я скажу, что сербский, чешский и русский принадлежат к одной общей группе индоевропейских языков, обозначаемой как славянская, а какой-нибудь мой критик станет уверять, будто я считаю русских имеющими чешское происхождение, то я вынужден буду счесть, что мой критик считает меня за невежду—либо потому, что не удосужился прочесть, что именно я писал, либо потому, что намеренно фальсифицирует мои слова. Мне очень хотелось бы вести спор на уровне наивысшей академической вежливости, но что делать с критиком столь небрежным, что он даже умудряется приписать мне работу, вышедшую в свет, когда я учился в школе?³¹ Спорить со всем тем, что Хачатрян приписывает мне в связи с мушками, урартским Muski и взаимоотношением терминов арм. науо- с урартским Hâte, бесполезно, ибо автор сражается с ветряными мельницами—лучше я ниже изложу свою действительную точку зрения. Рассмотрим здесь собственную концепцию Хачатряна, которую он противопоставляет лично моей.

Прежде чем перейти к изложению своей позиции, В. Н. Хачатрян уделяет еще некоторое место опровержению предположения о том, что армяне происходят от урумейцев (Урум), которые, согласно данным ассирийских анналов³², в 1165 г. до н. э. переселились из «страны Хатти» (т. е. с территории только что павшего Хеттского царства) в верхневфратскую долину, в области Алзи (Агдзник) и Пурулумзи. Этой гипотезы я не придерживаюсь и не вижу нужды ее отстаивать. Скажу лишь, что вопрос об урумейцах весьма сложен и спорен, главным образом ввиду чрезмерной скудости материала, и что рассуждения В. Н. Хачатряна по этому поводу более чем шатки.

Спорить с изложением концепции Хачатряна чрезвычайно трудно, так как оно, это изложение, целиком состоит из категорических утверждений, либо неизвестно на чем основанных, либо основанных на других столь же категорических предшествующих утверждениях.

³⁰ Однако с одним различием: фракийские племена назывались Mysi, Moesi, фригийские (по свидетельству лувийских иероглифических надписей)—Musa-, а протоармянские назывались Mus-ka-(по-лувийски) или Mus-k-I (по-ассирийски). Последний термин был перенесен ассирийцами, урартами и древними евреями также на фригийцев (а греками, видимо, и на грузиноязычных москов), но это было обозначение неточное, подобное обозначению всех народов Советского Союза как Russians, что можно слышать в Западной Европе и Америке. Суффикс -k- в имени Muski, Muska—не что иное, как фонетически правильная для данных языков передача армянского показателя мн. числа -k' (-ք).

³¹ В. Н. Х а ч а т р я н. Страна Хайк' в составе Урарту, с. 106, прим. 10. Мне приписана статья в Zeitschrift für Assyriologie за 1931 год.

³² И. М. Дьяконов. АВИИУ, № 10, I, 62; II, 89.—ВДИ. 1951, № 2, с. 270—271. Кстати говоря, из этого текста никак не следует, что все мушки ушли из страны Алзи (Агдзник) и Пурулумзи, что их всех Тиглатпаласар «причислил к людям своей страны» и что он переселил их в Кадмухи или еще куда-либо. То же касается каскейцев и урумейцев—там же, VI, 89. Впоследствии Ашшурнацирапал II принял от этих же мушков дань вином, скотом и бронзовыми изделиями, что указывает на их оседлость к этому времени (начало IX в. до н. э.). Дань была им принята в стране Кадмухи (на южном берегу верхнего Тигра), но нигде не сказано, что мушки жили здесь—такие дань нередко приносили издалека. Очевидно, в Алзи боялись повторения похода за Армянский Тавр, но Ашшурнацирапал из Кадмухи внезапно повернул к югу. В дальнейшем восточные мушки в анналах отдельно уже не упоминаются: они влились в состав населения Алзи и других областей (например, вероятно, Мелида),—может быть, составив в них даже большинство населения.

верждениях, ни одно из которых не доказано. Если же в изложении Хачатряна появляются ссылки на факты, эти факты, как правило, искажены.

В основном концепцию В. Н. Хачатряна можно свести к следующим тезисам (хотя четко не сформулированным):

1) жители древней страны Хайаса—это армяне (т. е., очевидно, люди, говорившие по-армянски);

2) Хайаса—это то же самое, что Наири ассирийских текстов;

3) Наири—не просто обобщающее географическое название, а название конкретной политической общности—племенного союза. В этот племенной союз периодически входили хурритские и урартские племена (и наоборот—наирийцы входили в состав Урарту и других государств, и в особенности Шубри), но, несмотря на завоевание Армянского нагорья государством Урарту, наирийский, он же хайасский, он же армянский племенной союз продолжал существовать параллельно Урарту, а также после его падения.

1. Как же аргументирует В. Н. Хачатрян, скажем, первый тезис? А никак; он высказан (на с. 70) безоговорочно и без аргументов. Правда, в конце статьи автор дает список армянских топонимов, якобы совпадающих с хайасскими. Но, во-первых, большинство названий, перечисленных автором как «наирийские (хайасские)», могут считаться хайасскими только если принять отождествление «Хайаса=Наири», а это отождествление как раз и требуется доказать; во-вторых, не все топонимы, зарегистрированные в исторической Армении, могут быть объяснены из армянского языка; значительная их часть—субстратная³³ и объясняется из доармянских языков; поэтому появление отдельных топонимов, сохранившихся в Армении, также и в Хайасе никоим образом не свидетельствует о том, что Хайаса говорила по-армянски, а скорее свидетельствует об общем субстрате. Но большинство якобы «хайасских» топонимов у В. Н. Хачатряна никакого отношения к древней Хайасе вообще не имеет—взячь хотя бы Гиариац, современное Гарни: в каких древних источниках этот район отнесен к Хайасе? Ни в каких. Так почему же это «хайасское» название, да еще свидетельствующее о том, что хайассцы говорили по-армянски?

Заметим, что вопрос о языке древней страны Хайаса (на северо-востоке Малой Азии) не разрешен по недостаточности данных. Отождествление хайасского языка с древнейшим армянским восходит к Г. А. Капанцяну³⁴ и является составной частью его устаревшей концепции о «двуприродном»—смешанном или скрещенном (а не индоевропейском) характере армянского языка. От хайасского языка фактически сохранилось не более полудесятка собственных имен (одно из них самим Хачатряном справедливо определяется как нарицательное; оно имеет аналоги в восточнокавказских языках, в урартском, возможно в индоиранских языках,—но только не в армянском), несколько имен божеств, которые кроме В. Н. Хачатряна никто еще не пытался определить как индоевропейские или, тем более, армянские (но об этом ниже), и не более полудесятка топонимов, которые, как вообще любые топонимы, могут быть и субстратными³⁵. После Г. А. Капанцяна хайасским языком занимался более всего Г. Б. Джаукян³⁶; по его определению, это индоевропейский язык, но по своей фоноло-

³³ См., например, I. M. Diakonoff, S. M. Kashkai, *Geographical Names According to Urartian Texts*.

³⁴ Г. А. Капанцян. Хайаса—колыбель армян. Ереван, 1947. Вместе с гипотезой о смешанном характере армянского языка должна автоматически отпасть и гипотеза возникновения армянского языка из Хайасы, ибо вторая гипотеза базировалась на первой.

³⁵ Один из них—Арикса на берегу Черного моря,—вероятно, абхазо-адыгский, другой—Арихпицци,—вероятно, хурритский.

³⁶ Г. Б. Джаукян. Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам. Ереван, 1964. В позднейших работах Г. Б. Джаукяна также нет никаких данных, которые позволили бы считать, что он полагает хайасский язык родственным армянскому.

тии, как она восстанавливается автором, отнюдь не армянский и не близкий к нему. Остается возможность заимствования армянского самообозначения *hauk'* из топонима *Haiaa*; хотя такое предположение не исключено, оно связано с лингвистическими трудностями. Даже если это предположение верно, оно для интересующего нас вопроса ничего не доказывает, ибо, например, французы не родственны по языку германцам-франкам, от которых они взяли свое название, ни британцы не родственны по языку кельтам-бриттам, давшим имя Британии.

2. Перейдем ко второму тезису: «Хайаса—это то же самое, что Напри». Цитирую (с. 62): «Тукульти-Нинурта I [ассирийский царь.—И. Д.] впервые упоминает [в военной реляции.—И. Д.] Армянское нагорье под названием Напри, а Тудхалля IV [хеттский царь.—И. Д.] там же [в письме к Тукульти-Нинурте I, о котором у автора речь шла выше.—И. Д.] упоминает Хайасу, что указывает на идентичность Хайасы [и] Напри». Вот, в сущности, и все, на чем зиждется теория. Если, например, английский король Вильгельм III в своих военных реляциях упоминает Европу, а Петр I написал, допустим, тому же английскому королю Вильгельму III: «Я имею такие-то дела с Голландией», то по логике В. Н. Хачатряна можно заключить, что Голландия и Европа—одно и то же, и в дальнейшем во всех исторических памятниках можно трактовать европейцев как голландцев. Весьма вероятно, что Хайаса временами включалась в понятие «Напри»—это было очень широкое понятие, включавшее территорию от востока Малой Азии до восточной части современного Ирана. Нет никакого основания считать, что жители Напри были непременно хайасцами, как и нет достаточного основания считать хайасцев армянами, хотя какие-то более или менее важные нити их могли связывать; но это пока никем не показано. А что касается Напри, то и сам В. Н. Хачатрян не может отрицать³⁷, что ассирийцы многократно включали в «страны Напри» области, несомненно населенные хурритами и урартами, но нигде они не называли в числе обитателей Напри армян. (Ни хайасцев, впрочем, тоже). Более того, урартский царь Сардур I в своих надписях, составленных по-ассирийски, прямо употребляет термин «Напри» там, где в урартоязычных надписях стоит «Бианилли», то есть для него Напри—это Урарту.

Когда в конце XIX—начале XX вв. были найдены ассирийские военные реляции, обозначавшие Армянское нагорье и окрестные области как «Напри», это красное название перекочевало в армянскую поэзию как поэтическое наименование Армении и армян. Но поэзия XX в. н. э. и действительность I тыс. до н. э.—вещи разные.

На той же с. 62 Хачатрян пишет также: «Примерно совпадают даже их [Хайаса и Напри] границы», но при этом ссылается только на свою собственную работу «Хайаса и Напри», построенную методологически столь же произвольно; здесь невозможно анализировать еще и ее. Ни одним словом он не обмолвился о том, что Хайаса, по мнению других исследователей, основанному на достаточно ясных хеттских источниках, была расположена только между Черным морем и верховьями реки Евфрат.

3. Переходим к третьему тезису—Напри было реальной политической силой (племенным союзом) по крайней мере с XV, а возможно и с XXV в. до н. э.³⁸ и до времен после падения Урарту, и представляло объединение племен *Hauk'*, то есть говоривших по-армянски. В аргументации В. Н. Хачатряна с фактической стороны здесь

³⁷ В. Н. Хачатрян. Напри и Армина, с. 62—63.

³⁸ Откуда взялась эта дата? Цитирую (с. 72): «Армянское нагорье по данным археологии было заселено с XXV в. до н. э. [неверно: с палеолита.—И. Д.] <...>. Причем в древневосточных письменных источниках в связи с историей Нагорья в период с XXV по XV вв. до н. э. никаких этнических изменений не зафиксировано. Следовательно» и так далее. Но в древневосточных письменных источниках в связи с историей Армянского нагорья попросту совсем ничего нет для периода до середины II тысячелетия до н. э. «Следовательно», рассуждение это никуда не годится.

господствует невообразимая путаница, распутывать которую в пределах одной этой статьи невозможно. Ниже мы приведем лишь несколько примеров.

Но прежде отметим самым решительным образом, что Наири как единое политическое целое (хотя бы как племенной союз) никогда в ассирийских надписях не встречается. Это всегда довольно неопределенное географическое обозначение (типа наших «Закавказье», «Малая Азия», «Кавказ», «Туркестан» и т. п.). Упоминаются «випалах кое-где то «23 царя страны Наири», то «60 царей страны Наири», то Наири в других контекстах,—причем эти цари могут оказаться и в долине р. Чорохи, и в центре Армянского нагорья, и в нынешнем Иранском Азербайджане. Кроме того, «Наири» было официальным наименованием небольшого государства между Ассирией и Урарту—Хубушкин в долине р. Батмансу, а также, как мы уже упоминали, употреблялось как синоним Урарту (в ассирийских надписях—в высоком стиле, в урартских надписях, составленных по-ассирийски—в царской титулатуре вместо «Биайшили»).

Теперь некоторые примеры ошибочных рассуждений Хачатряна. На с. 62—63 он правильно указывает, что «все уруатрийские области, расположенные к востоку и к югу от оз.Ван, хурритские области западного Тигра и прилегающие к ним другие районы назывались наирийскими» в 889—859 гг. до н. э. «Это,—поясняет автор,—объясняется тем, что под влиянием усиливающейся ассирийской агрессии уруатрийцы/урарты и хурриты верхней долины Тигра объединились с Наири в один племенной союз под гегемонией последнего». Откуда это взято—объединение урартов и хурритов с якобы уже ранее отдельно существовавшим Наири, его гегемония? А ниоткуда. Ассирийцы расправлялись с мелкими урартскими и хурритскими государствами поодиночке, в этом и состояла причина огромных успехов Ассирии.

На с. 63 автор говорит о возникшей во второй половине IX в. до н. э. «борьбе Наири с Урарту». Какие источники говорят об этом? Никакие. Далее автор перечисляет, вслед за ассирийским царем Салманасаром III, завоеванные им области: Ишуа, Сухму, Дайени, Урарту; «эти племена он [царь,—И. Д.] называл Наири». Следует вывод, что к этому времени наирийские племена были разобщены. Да откуда следует, что они перед этим не были разобщены? Опять ниоткуда.

Царь Ассирии Шамши-Адад V (с. 63) называл термином «Наири» уже совсем другие страны: Сунби, Мана, Таурла (все около Урмийского озера!), Парсуа (в горах Иранского Загроса) и даже... Мидию. Как это вяжется с хачатряновской идеей армянского политического союза Наири? Автор говорит: «это была коалиция стран под гегемонией Урарту, которую ассирийцы называли Наири». Значит, здесь Наири уже не=Хайаса, а=Урарту? Далее следующий ассирийский царь, Ададнерари III перечисляет пройденные им победоносно области уже только в одном северном Иране (в том числе некоторые несомненно прапоязычные), подытоживая—«Наири на всем ее протяжении». Хачатрян вместо тире ставит занятую и комментирует: «В данном случае под термином Наири подразумевается Урарту» (с. 84). Но позвольте, разве Ададнерари завоевал Урарту? Разве он мог это сделать, когда там в это время царствовал могущественный царь Менуа, сам успешно вторгавшийся в Ассирию? Но что за дело до этого В. Н. Хачатряну? Для него Наири равна армяноязычному племенному объединению Хайаса—просто потому, что так ему хочется.

Ассирийский царь Саргон II (с. 64) пишет: «Во всем Урарту до пределов ее я распространил рыдания, плач на вечные времена я распространил в Наири». Это обычный стилистический прием параллелизма с применением двух синонимов, их сотни в древневосточной и библейской литературе. Саргон воевал в этот момент с Урарту и только с Урарту, и из контекста ясно, что речь идет об Урарту. Но Хачатрян заключает из этой фразы, что «часть наирийских (хайасских) племен вошла в состав Урарту, а часть находилась вне ее пределов». Какая же часть? Мана, Мидия? Конечно, они находились за пределами Урарту, но при чем тут Хайаса?

Далее Хачатрян переходит к стране «Урме» (точнее Урмиу, или Урмие). Тут приводится несколько более или менее гипотетических соображений (например, о переда-

че фонемы /o/ в клинописи как u и a, что неверно—всегда только u); упоминается, что большинство исследователей отождествляют Урме и Арме (кстати, я не принадлежу к их числу, вопреки ссылке на мою работу ПАН, с. 139, прим. 150)³⁹, и ту и другую область—с Шубрией. Мельком говорится о том, что «ряд князей этих областей носили хуррито-урартские имена»—как будто известны князья, носившие в этих областях не хуррито-урартские имена, а скажем, армянские; и далее делается вывод (с. 65—66): «...Подобно тому, как в результате парфянского влияния в армянскую среду проник ряд иранских личных имен, так и в данном случае хурро-урартское влияние не могло не отразиться на ономастике Наири». Заключение ошибочное: такие вещи случались в эпоху средневековья, но тогда это объяснялось тем, что господствующие религии—зороастризм, христианство и ислам—были догматически-нормативными и основывались на канонических писаниях. Поэтому армяне-зороастрийцы неизбежно принимали иралоязычные (преимущественно парфянские) имена собственные, взятые из зороастрийских книг (а не под влиянием парфия как таковых), армяне-христиане принимали имена, взятые из библейской или житийной литературы, то есть еврейские и греческие⁴⁰, а мусульмане, каков бы ни был их родной язык, принимали арабские имена, связанные с мусульманской традицией или по-арабски прославлявшие Аллаха. Но в IX—VII вв. до н. э. религиозного прозелитизма не было, детей называли в честь своих богов, богов собственной узкой общины, и если бы эти общины были армяноязычными, то неизбежно обнаружилось бы и армяноязычные имена. Но каковы доказательства, что вообще в это время во всех этих областях жили хайасцы? (Если же оставить в стороне хайасцев, то предположение о распространении к этому времени армянского языка в западной части Армянского нагорья является весьма вероятной, хотя пока и не доказанной гипотезой—но об этом ниже.)

«В связи с топонимами Наири и Арме следует отметить,—пишет В. Н. Хачатрян (с. 65),—что в источниках приводится урартская форма этих названий». Если «Наири»—термин урартский, то почему он нигде в урартских надписях не упоминается?

Вот как Хачатрян расправляется с еще одним ассирийским царем (Тиглатпаласаром I), произвольно искажая смысл его текста: царь пишет, что он завоевал «страны Наири от страны Тумме [в восточной части Армянского нагорья,—И. Д.] до Дайаени [на р. Чорохи,—И. Д.]» и «страну Хабхи до Великого моря»; вывод Хачатряна: «Известно, что Арме (Шуприа) никогда не входила в состав Хабхи, а Наири находилась между страной Хабхи и «великим», т. е. Черным морем. Следовательно Арме (Шуприа) входила в пределы Наири». Есть от чего прийти в отчаяние! Во-первых, «Великое море», или «Великое море Наири»—не Черное море, а Ванское озеро⁴¹, во-вторых, если Наири находилась между Хабхи⁴² и Черным морем, то почему же «следовательно» Шубрия, находившаяся в верховьях р. Тигр и в данном контексте вовсе не упомянутая, «входила в пределы Наири»? Прибавим к этому, что ни Арме, ни Шубрия вообще не были известны при Тиглатпаласаре I, что еще не доказано тождество Арме и Шубрии

³⁹ Там сказано: «Полной уверенности, что это одна страна, нет». Неудачный способ цитирования! В настоящее время от этого отождествления я отказался, см. I. M. Dyakonoff, S. M. Kashkai. *Geographical Names...*

⁴⁰ Такие имена как Nov(h)annes, Dawit', Rošos и т. п. попали в армянский быт, конечно, не прямо под влиянием евреев и греков!

⁴¹ И. М. Дьяконов. АВИИУ, № 17.—ВДИ. 1951, № 2, с. 280. Речь идет о надписи, поставленной севернее оз. Ван. Черное же море Тиглатпаласар I назвал бы не «Великим» (или «морем Наири»), а «Верхним морем», см. там же, с. 277, прим. 45.

⁴² Хабхи (Хапхи)—тоже общее географическое обозначение, хотя и более узкого содержания, чем Наири; оно не привязывается к какому-либо определенному району. По-хурритски ha-rhi, по-видимому, означает «грабители» и является бранным обозначением любых горцев.

(центр Арме, Нехерия, известный еще с начала II тыс. до н. э., твердо локализуется гораздо западнее⁴³).

Если еще допустимо, что Хайасу, пока она существовала (а она погибла где-то в XIII в. до н. э.), относили, вместе со всеми областями от границ Малой Азии до центра Ирака, к общему понятию «Наири», то прямое отождествление Наири с Хайасой не только не доказано, но, несомненно, и недоказуемо. Из приведенного выше видно, что В. П. Хачатрян нет в пользу такого отождествления никаких доказательств, а есть лишь голословные утверждения.

Кажется, нет смысла продолжать цитирование. Приведу лишь еще одну цитату, которая представляется мне истинным перлом⁴⁴: «...В 681 г. до н. э., как сообщает «Вавилонская хроника», Синаххериба, царя Ассирии, во время мятежа убил его сын. В связи с этим М. Хоренский⁴⁵ писал: «Он умерщвлен своими сыновьями—Адрамелом и Санасаром, которые спаслись бегством к нам». Здесь под выражением «к нам» следует понимать Најг [лучше Наук⁴,—И. Д.], т. е. Армении. Следовательно, в 681 г. до н. э. вместе с Урарту существовала и Армения».

Из этого можно заключить, что Моисей Хоренский, писавший, самое раннее, в V в. н. э.—во всяком случае, более чем через тысячу лет после событий,—не имевший никакого представления об Урарту и приписывавший постройки Вала ассирийской царице Семирамиде, тем не менее из каких-то тайно хранимых источников знал, что убийцы Синаххериба бежали отсюда не в Урарту, а в Хайк. В. П. Хачатрян забыл, что об убийстве Синаххериба, кроме «Вавилонской хроники» (и ряда ассирийских источников), говорит еще один источник, а именно Библия: «И было, когда он [Синаххериб.—И. Д.] поклонялся в доме Нисрока, своего бога, что Адраммелек и Шарецер, сыновья его, сразили его мечом и бежали в землю Арарат», т. е. в Урарту (Кн. Исаяи, 37:38; дословно повторено в IV Книге Царств, 19:37). Дата этих текстов—середина VI в. до н. э. В греческой Библии (III—II вв. до н. э.) переведено: «И было, когда он преклонялся в доме Нисрока, бога своего, Адраммелех и Сарасар, сыновья его, сразили его мечом, сами же бежали в землю Армении». Урарту к этому времени не существовало и понятие это было забыто, потому греческий переводчик, а за ним сирийский и армянский заменили его на «Армению». Это, конечно, и послужило источником для Моисея Хоренского—Библию-то он знал, вероятно, назубок!⁴⁶

⁴³ См. I. M. Diakonoff, S. M. Kashkai. Op. cit., p. 60; L. L. Ogilby. Assyrian Colonies in Cappadocia. The Hague—Paris, 1970. p. 82: «в треугольнике между Мардином, Сивереком и Диярбакыром».

⁴⁴ В. П. Х а ч а т р я н. Наири и Армения, с. 67.

⁴⁵ «Хоренский»—обозначение происхождения, а не фамилия, поэтому нежелательно писать (как уже стало почти традиционным) «М. Хоренский» вместо «Моисей Хоренский». Не пишем же мы «А. Македонский», «Е. Английская», «Г. Галикарнасский» вместо «Александр Македонский», «Елизавета Английская», «Геродот Галикарнасский». — В. П. Хачатрян полагает, будто Моисей Хоренский писал «в связи» с «Вавилонской хроникой», однако она была откопана археологами в конце XIX в., а исторической традиции поздней древности была неизвестна.

⁴⁶ Санасар упоминается, вместе с Багдасаром, еще и в армянском эпосе. Но и здесь эти имена восходят, в конечном счете, к Библии: Багдасар—это, несомненно, Βαλταζαρ греческой Библии, ошибочная транскрипция неогласованного Βίλλγ еврейской Библии, что передает вавилонское имя Βελṣαζαṣur. Имя Валтасар-Балтазар-Багдасар широко укоренилось в фольклоре; так, в послеевангельской традиции это имя одного из трех восточных царей, поклонявшихся младенцу Иисусу. Во всяком случае, Санасар эпоса не может по прямой линии (минуя греческую и армянскую Библию) восходить к ассирийскому Ṣarūṣur (библейское Ṣaraṣar). Эпос часто имеет более древние корни, чем некоторые введенные в него сказителями имена.

Я думаю, изложенного более чем достаточно для того, чтобы стало ясно: В. Н. Хачатрян не доказал и не мог доказать своих тезисов; вся его статья построена на искаженных или недопонятых фактах и на произвольных утверждениях. Не факты движут им, а эмоциональное стремление перевернуть историю как ему хочется.

Берусь за новейшую, насколько мне известно, работу Хачатряна, посвященную этой же проблематике: «Страна Хайк' в составе Урарту» (ВОНА. 1980. № 3, с. 101 сл.). Чтение приводит меня в некоторое смятение; хочется дать краткое определение работе, в памяти всплывают разные термины... Да, конечно! Это сочинение апокрифическое. Самый настоящий апокриф XX века. С. С. Аверинцев прекрасно определяет сущность апокрифов: «Фантазия работает в них так же беспрепятственно—и порой с такой же странной убедительностью,—как в сновидениях; <...> человеческая мечта <...> исполняется в апокрифах, точь-в-точь как в сновидениях»⁴⁷.

Содержание этой статьи В. Н. Хачатряна заключается в том, что в Урарту все, люди и племена, замаскировались. Так якобы делали и греко-римские историки; они переводили имена восточных царей «на свой язык», например, «Киаксара, царя Мидии, греческие историки называли Варбакес, <...> ассирийского царя Ашшурбанапала Тонос Конколорос». Что касается Киаксара и Варбакеса, то это два разных персидских (не греческих) царских имени, вовсе не отождествляемые; Киаксар восходит к истории Геродота, Варбакес (Арбак)—к истории Ктесия, который менее всего стремился к отождествлению своих персонажей с персонажами ненавистного ему Геродота. А что касается Тоноса Конколороса, то я должен огорчить Хачатряна—это тоже не по-гречески. И, кроме того, это не Ашшурбанапал.

«Следовательно,—пишет Хачатрян (с. 102),—имена царей [парфянские имена!—И. Д.] начиная с Парэта до Скайорди, правивших в Хайк'е в IX—VIII вв. до н. э. (!), сохранившиеся [каким образом? через какие источники?—И. Д.] в работах средневековых армянских историков, могут являться армянскими [парфянскими?—И. Д.] переводами имен урартских царей». Итак, урартские имена царей—это лишь их официальные имена, население же было армянским и давало этим царям якобы армянские имена⁴⁸. В. Н. Хачатрян считает, что «для подтверждения вышеназванного надо обратиться к средневековым сочинениям»; но эти сочинения писаны через тысячу лет, и с их помощью никак нельзя исправлять данные подлинных урартских и ассирийских текстов, современных событиям. Где же и каковы же были источники этих средневековых авторов? Такие вопросы задавать напрасно; ведь это апокриф, где мечта исполняется «точь-в-точь как в сновидении». Ну ладно, в урартское время кому-то зачем-то надо было переименовывать урартских царей и давать им «армянские» названия. Но вот Ованес Драсханакертци в XI в. пишет, что вплоть до Паруйра (опять парфянское имя) над страной Хайк властвовали чужеземцы. По В. Н. Хачатряну и Ованес через две тысячи лет обладал какими-то таинственными особо достоверными источниками, и под чужеземцами он понимает урартов. Что же он их так и не назвал? Да потому, что как 400-летнее правление парфян было забыто в сасанидской (и арабской) историографии, так и Моисей Хоренский и шедшие за ним историки уже понятия не имели об Урарту. Не может быть ничего менее доказательного, чем такие ссылки на то, что писали через две тысячи лет, после того как на Армянском нагорье тысячу лет (от последнего урартского царя до Месропа Маштоца) не было своей письменности, а стало быть и письменных источников (кроме греческих, сирийских и тех же сасанидских). Но смешно требовать от автора доказательств и источников утверждений, когда имеешь дело с апокрифом.

⁴⁷ История древнего мира. Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свещицкой. Кн. 3: Упадок древних обществ. М., 1982, с. 129—130.

⁴⁸ Идея не новая: ведь уже С. М. Айвазян считал, что под урартским языком замаскирован армянский. Но имена-то у Моисея Хоренского не армянские, а парфянские. Ср. Գ. Յ. Ջ ա ճ ո ս լ Վ Ն. Մոսէս Խորենացու «Հայոց պատմութիւն» առաջին գրքի անձնանունները լեզվական ազդեցութիւնը.—Историко-филологический журнал. 1981, № 3, с. 48.

В конце статьи Хачатрян вспоминает, что концепцию о существовании на какой-либо территории некоторого языка необходимо подтверждать ономастикой. И вот на с. 108—112 появляется длинный список имен собственных и топонимов (перечень дан русскими буквами, а то еще будут требовать лингвистически точных рефлексов!). Каждое имя и каждый топоним объясняется с помощью испытанного метода «сирены созвучия», т. е. внешнего случайного сходства, не подтверждаемого законами языкового развития: древние имена и названия объясняются то из древнеармянского, то из повоармянского (!), то из парфянизмов в армянском. Не требуется ни особо близкого сходства, ни (конечно) лингвистической закономерности рефлексов, ни семантического правдоподобия. Например, Цухма, перекочевавшая по неизвестным причинам из верхнеевфратской долины в горы Биигель, производится от армянского «покрытый дымом», хайасский бог Балтаик (чтение не вполне надежное)—это арм. «злосчастный» (прекрасное название для божества!) + «суффикс индоевропейского происхождения», и т. д. Урартский топоним Апаše (читать/Апас(ə)) сопоставляется с современным Алашкертом, а то и другое название объясняются с помощью арм. alas «великолепное зрелище» (какое зрелище, при чем тут оно?). В действительности alas — это рифмующая приставка, засвидетельствованная в современном фольклоре для подчеркивания определения возлюбленной: alas-kalaš, alaš-malaš «прехорошенькая». Отождествление alaš- с урарт. Апасе, предложенное К. Леманн-Гауптом и Бельком, опровергнуто еще Гюблманом (WZKM 14, 32). А Алашкерт—это турецкое искажение др.-арм. Vaiařakert (ср. араб. Wařaskird), т. е. „город царя Вагарша“, см. Н. Hubschmann. Die altarmenischen Ortsnamen. Strassburg, 1904, S. 468—469.

Итак, для В. И. Хачатряна нет ста пятидесяти лет развития арменистики и иранистики, нет сравнительного языкознания, нет здравого смысла.

На других исторических работах, появившихся в ходе дискуссии, можно особенно подробно не останавливаться. Статья А. Мнацаканяна⁴⁹ просто ненаучна: он уверяет, что длинные родословия у того же Моисея Хоренского, полные имен, парфянский характер которых давно доказан арменистами и иранистами, представляют собой не что иное, как список наместников-армян при урартских царях! Вдумаемся в ситуацию, в которой автор хочет нас убедить: Моисей уже не знал не только урартских царей, но и самого Урарту, по каким-то неведомым путям через тысячелетний промежуток времени сохранил список ч и н о в и к о в этих давно забытых царей! И опять—как будто не существовало полуторастолетнего развития арменистической и иранистической науки.

В диссертации М. А. Катваляна⁵⁰ разделы, относящиеся к доарташесидскому периоду, целиком построены либо прямо по В. И. Хачатряну, либо, по крайней мере, по такому же рецепту.

А ведь этапы развития иранских языков в фонетическом и грамматическом отношении датируются сейчас в науке очень точно, и все парфянские и другие среднеиранские слова и имена собственные датируются не ранее чем последними столетиями I тыс. до н. э.—первыми столетиями н. э.; в Армению среднеиранские, в большинстве зороастрические имена вряд ли могли попасть ранее III—II вв. до н. э.—откуда же они попали в Урарту? Ведь еще неизвестно, добрал ли в IX—VII вв. зороастризм до Мидии и Персии, где уж думать о зороастризме на Армянском нагорье IX—VII вв. до н. э., да еще в среднеиранской номенклатуре!

Таким образом, и авторы второй группы, оперирующие историческим материалом, не смогли не только доказать, но хотя бы сделать сколько-нибудь правдоподобным

⁴⁹ ВОНА. 1981, № 2, с. 74—87.

⁵⁰ Я уже писал рецензию на его диссертацию, и повторять ее здесь вряд ли есть смысл.

существование на Армянском нагорье армяноязычного населения до хетто-лувийской и хуррито-урартской цивилизаций.

Какими способами вообще можно было бы установить, на каком языке в III—II тысячелетиях до н. э. говорили люди на Армянском нагорье? Кажется, только следующими, и никакими другими:

А. Находкой там надписей этого времени на определенном языке. Но самые первые надписи с Армянского нагорья (не считая надписи Нарам-Суэна аккадского, находящейся южнее Армянского Тавра) относятся к I тыс. до н. э. и написаны не на армянском, а на урартском, лувийском и в небольшом числе на аккадском языках.

Б. Упоминанием в иноязычных текстах (происходящих с Армянского нагорья или относящихся к нему и созданных ранее I тыс. до н. э.) имен собственных, этнонимов, топонимов (включая гидронимы), которые применением строгой лингвистической методики определялись бы как имеющие осмысленное значение на искомом языке. Подчеркнем, что речь идет не об относительном внешнем сходстве звучания (так называемой «спирене созвучия»—см. выше), а о том, чтобы соответствующий топоним (и т. д.), с поправкой на закономерную неточность клинописной записи, в этой именно форме значил на искомом языке что-либо такое, что с достаточной вероятностью могло бы быть использовано людьми той эпохи для образования топонима (и т. д.) с учетом местных условий, событий и т. п.; и чтобы именно зарегистрированная в надписи форма получалась бы в результате строго методической реконструкции формы соответственного слова искомого языка для данной глубины древности. Топонимы и этнонимы Армянского нагорья известны нам в очень небольшом числе от III тысячелетия до н. э., в более значительном—от II, в значительном—от начала I тыс. до н. э.⁵¹ Напомним, что исторически армянский язык хорошо изучен, и методически реконструировать формы его слов на любую глубину древности не представляют задачи, по трудности хотя бы отдаленно сравнимой с реконструкцией ранних форм хуррито-урартских глосс. Но ни один из этих топонимов, этнонимов (и т. д.) до сих пор не мог быть строго, с учетом всех требований лингвистической науки отождествлен как армянский. Сопоставления, предлагаемые В. Н. Хачатряном⁵², никак не соответствуют научным требованиям.

Заметим, что в эпоху владычества Урарту протоармянский язык несомненно должен был существовать по крайней мере в западной части Армянского нагорья. Стать бы, в принципе могут встретиться в клинописных и лувийских неоглифических текстах подлинные армянские имена и, может быть, отдельные армянские слова этого времени. Их можно искать лишь в современных Урарту источниках, а не в средневековых памятниках, составленных через тысячу лет. Однако пока они не обнаружены. Надо исходить из научно устанавливаемых данных, а не из одного горячего желания, которое ничем не может быть обосновано.

Правда, дошедшие до нас имена собственные—это имена царей и знати; но не все они царские, а ссылка на обычай давать царям новые тронные имена, свойственно иноязычные (существовавший у некоторых народов, например в Митанни), к нецарским именам неприменима. Можно,—пожалуй, нужно—допустить, что в других социальных слоях населения говорили в I тысячелетии до н. э. и на других языках, не бытовавших в высших слоях, но и это доказать пока нельзя⁵³.

В. Можно было бы утверждать, что армяноязычное население действительно жило на Армянском нагорье с самых времен его выделения из пранидоевропейской общи-

⁵¹ См. указатель к АВИИУ.—ВДИ. 1951, № 4, приложение (для конца II и I тыс. до н. э.); I. M. Diakonoff, S. M. Kashkai. Geographical Names... (для первой половины I тыс. до н. э.).

⁵² ВОНА. 1980, № 6, с. 109 сл. Мы уже упоминали, что здесь берутся для сравнения с языковыми фактами XIV—VII вв. до н. э. слова и формы новоармянские, парфянские и т. п. с произвольной семантикой.

⁵³ Предположительно армянским является имя одного из царей Табала VII в. до н. э. в горах Западного Тавра—ассир. Iskallu, Išikkallu (š читается /s/), может

ности в том случае, если бы в исконно индоевропейском слое основной лексики армянского языка обнаружались слова, характеризующие специфическую природу, животный мир, растительность Армянского нагорья. Но и это не так.

Помимо слов общечеловеческого значения, обозначающих человека, его биологическую деятельность и самые общие понятия, не связанные с определенным социальным строем и регионом⁵⁴, к исконному общиндоевропейскому фонду в армянском языке относится еще скотоводческая лексика (новин *սոճրոյ* „пастух“, аус *սյօ* „коза“ (п)огт (⁶)որթ „теленоч“ и т. п., *գաղ զանն* „ягненок“, *եզր Կզն* „бык, скотина“, *կով կով* „корова“. Как и можно ожидать для II тыс. до н. э., носители протоармянского языка, конечно, были не скотоводами-кочевниками, а скотоводами с подсобным земледелием, поэтому названия, например, „ячменя“ — *գաղ զարի* или „плуга“ — *ագաղ շրիւր* тоже имеют ясное праиндоевропейское происхождение.

Напротив, термины для животных и растений, специфичных для Армянского нагорья, для понятий, связанных с местным типом сельского хозяйства, а также характерных для горного оседлого быта периода перехода от доклассового к классовому обществу, во внушительном количестве случаев заимствованы армянским из местных языков, преимущественно из хуррито-урартского. Конечно, слова заимствуются в язык не только из субстрата, но также из адстрата (как, например, парфянские в армянском) и из суперстрата (отдельные курдские и турецкие слова). Но тогда речь пойдет о понятиях, поздно проникших в быт носителей данного языка. Если бы армянский язык был старше хуррито-урартского на Армянском нагорье, то ему незачем было бы заимствовать из хуррито-урартского термины для местных общественных отношений, местной флоры и т. п. Посмотрим, однако, что попало в армянский из хурритского, урартского, лувийского, кавказских языков.

Из хуррито-урартского: *uít Եղև* „верблюды“ (урарт. *ultu*), *хп;ог ԽԵՃԻՐ* „яблоня“ (хуррит. *hinzuri*, читать /xindzori/), *salog ԽՄԻՐ* „слива“ (ср. аккад. *sallūru*, *seppūru* < хуррит. **sallori*, что должно было дать урарт. */salk(r)/, *пигр ԿՈՆԵ* „гранат“ (от **pigra*-, основы как хурритского, так и аккадского названия граната), *апанух ԽԿԽԻ* „мята культурная“ (хуррит. **apapu(h)he*, засвидетельствовано в виде хуррит. *apapushē*, с параллельным суффиксом -*u(h)se/-shē*, и в виде аккад. *apapīhu* из хуррит. **apapīhē*, также с параллельным суффиксом; слово сохранилось также в арамейском и иранских), *бигрп ԲԻՐԳԻ* „башня“ (урарт. *bigrapa*), *аіх ԽԳԻ* „(больше)семейное хозяйство, семья“ (хуррит. **all(a)he*, прилагательное от *allae* „хозяйка“, может быть диалектно и „хозяин“), *аҫап ԽԳԻԻԿԻ* „рабыня, домашняя работница“ (хуррит. *allaehīhine* „состоящая/ни при хозяйстве, управляющий/ая хозяйством, съестными припасами“), *сагау ԺՄՄՄԺ* „раб“ (хуррит. *sagge*, читать /sag(a)g/), „живая добыча“, *кпик ԿԿԻՐ* „печать“ (хуррит. **kanikki* < аккад. *kanīku* „опечатанное“); не исключено также урартское происхождение арм. *реҫ- ԿԿԻԳ-* „выкапывать“ (ср. урарт. *рп- ԿԿԻԳ*, *капал*“; предложенные индоевропейские этимологии очень шатки)^{54а}.

Из лувийского: *es(u)- ԷՁ* „осел“ (из диалектного **esu(w)a-*, вариант лувийск. *asu(w)a-* < п.-с. **ek'uos* „лошадь“), *тогг ԽԻՐԻՐ* „отросток виноградной лозы“ (лувийск. *t(u)wars(a)*).

Из кавказских языков (может быть через урартский?): хорс *ԽԻՐԻ* „лемех, сошник“; см. у Р. Ачаряна.

быть из древнеарм. **Н(э)skéal* или **Н(э)skaw* «бодрствующий, надзирающий» (предположение А. Г. Периханян; ср. И. М. Дьяконов. *Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э.*—ВДИ. 1981, № 2, с. 60, прим. 116).

⁵⁴ Здесь нет необходимости приводить примерный список; перечень нескольких десятков слов этого рода приведен в статье: О. С. Широков. *Место армянского языка...*, с. 81 сл.

^{54а} Большой список см. также: Н. А. Мкртчян. *Субстратные названия растений в армянском языке.*—В кн.: ДВ. IV. Ереван, 1983, с. 24—37. Небольшая поправка: г. Арманум не находился в Армении.

Из староарамейского: *mangal* *ܡܢܓܠܐ* „серп“ (более позднее заимствование дало бы, скорее всего, **manglay* < *mangələ*); возможно, надо реконструировать посредствующее хурритское **mangalli*.

Если бы армяноязычное население было на Армянском нагорье древнее хуррито-урартского и лувийского, то в армянском не было бы подобных субстратных слов, проникших из хуррито-урартского и лувийского,—наоборот, в хуррито-урартском наблюдались бы такие субстратные заимствования из армянского. На самом же деле, напротив, в армянском явственно выявляется хуррито-урартский и хетто-лувийский субстрат, но в хурритском и лувийском нет заимствований из армянского субстрата.

Г. Если бы армянский язык был на Армянском нагорье древнее хуррито-урартского, то контакты происходили бы на раннем уровне развития армянской фонологии, а не после «армянского передвижения» согласных, в основном разделяемого армянским языком с фракийским и фригийским (см. ниже, с. 171, 173).

Из всего этого можно сделать только один вывод, а именно, что первоначальные носители предка армянского языка пришли на Армянское нагорье в качестве подвижных скотоводов с подсобным земледелием, не знавших классового общества, а с природой Нагорья и с социальными условиями раннеклассового общества они знакомились у автохтонов, тогда еще не перешедших на армянский язык. Это дает и примерную дату появления носителей предка армянского языка на Армянском нагорье: видно, что автохтонное население тогда говорило в основном по-хурритски и по-урартски. Эти языки образовались (разделившись из общего праязыка), по лексикостатистическим данным, около IV тысячелетия до н. э.⁵⁶ В верхнеевфратской долине,—где согласно исторической традиции возникал армянский народ,—по данным топонимики и ономастики хурритский язык наряду с лувийским еще в XIII—XII вв. до н. э. господствовал (и примерно тогда же или лишь немного ранее здесь складывались классовые отношения), но хурритский фактически исчез здесь (может быть, за исключением небольших анклавов) в первой половине I тыс. до н. э.

Итак, никакие «факты и свидетельства» не указывают ни на существование на Армянском нагорье индоевропейской общности, ни на ее распад именно здесь⁵⁶, ни на существование армяноязычных племен на Армянском нагорье с IV по конец II тысячелетия до н. э. Эти «племенные союзы и государственные образования», которые по Р. Ишханяну «являлись отчасти или полностью армянскими»⁵⁷,—не более как призраки, которые никаких исторических следов по себе не оставили.

⁵⁵ Не III, как я думал раньше, не имея еще возможности делать общевосточно-кавказские реконструкции.

⁵⁶ Р. Ишханян в своей статье (с. 30) пишет, что в настоящее время «имеются исследования лингвистов, археологов и историков, доказывающие, что прародина индоевропейцев находилась в Малой Азии, включая Армянское нагорье, и что распад индоевропейской общности произошел именно в этом регионе». Работы лингвистов и историков, на которые ссылается Ишханян, разобраны нами выше; из них все же не вытекают предполагаемых Ишханяном выводов. Наиболее сильные аргументы в подтверждение тезисов, отстаиваемых им, казались бы, приведены в работах В. В. Иванова и Т. В. Гамкрелидзе. Эти авторы думают, что индоевропейские языки, сложившись между Анатолией и Северным Ираном, затем по необъясненным причинам совершили грандиозное вращательное движение вокруг неподвижного центра где-то на Кавказе; я позволил себе (ВДИ, 1982, №№ 3, 4) указать на ряд моментов, делающих эту гипотезу неприемлемой с лингвистической и исторической точек зрения. С археологической стороны тоже пока не раздалось голосов в поддержку этой гипотезы, см. В. П. Яйленко. Всесоюзный симпозиум «Античная балканистика—4».—ВДИ. 1982. № 3, с. 198 (выступления Н. Я. Мерперта, Е. Е. Кузьминой); Л. А. Лелеков. К новейшему решению индоевропейской проблемы.—Там же, с. 31—37.

⁵⁷ Р. Ишханян. Указ. соч., с. 30.

II

Теперь о тех «фактах и свидетельствах», на которых базируется моя гипотеза. Письменные источники, действительно, скудны и содержат мало свидетельств; но, в отличие от голословных утверждений Р. Ишханяна, В. Н. Хачатряна и их единомышленников, предложенная мной гипотеза базируется на следующих соображениях, безусловно исходящих из известных науке фактов⁵⁸.

Прежде всего мне хотелось бы еще раз повторить, что я не считаю армян потомками фригийцев. Речь идет только о сравнительно близком родстве их языков и о том случайном обстоятельстве, что их восточные соседи обозначали фригийцев тем же термином, что и протоармян. Я должен заявить совершенно категорически, что я не считаю армян пришлым народом на Армянском нагорье, а напротив, считаю их прямыми биологическими потомками автохтонов Нагорья и прямыми продолжателями создателей великих древних культур этого региона.

Затем, в предисловии к моей книге «Предыстория армянского народа» подчеркнуто, что я не претендую на повизну предлагаемого материала, «за исключением некоторых соображений историко-лингвистического характера». Многие положения, которые тогда казались мне общепринятыми в науке и сами собой разумеющимися, я предлагал без ссылок на предшественников; библиографические ссылки давались преимущественно на литературу, неизвестную или малознакомую моим тогдашним читателям, или же на бывшую в ходу, но заслуживавшую, с моей точки зрения, критики.

Значительная часть положений, ныне инкриминируемых мне, были высказаны в науке и приняты задолго до меня. На близких ко мне позициях стояли, в частности, замечательный армянский лингвист Р. Ачарян и такой авторитетный историк как Я. А. Манандян⁵⁹. Подробно разобрав все различные античные и библейские источники, а также учтя новейшую тогда научную литературу, в том числе известные работы И. Маркварта по армянскому этногенезу, Я. А. Манандян пришел к выводу, что прародиной индоевропейских носителей протоармянского языка являлся Балканский полуостров, скорее всего—район между местами обитания иллирийцев и македонцев (отсюда, конечно, близость к греческому и фракийскому языкам); что они мигрировали в XIII—XII вв. до н. э.—в эпоху общего передвижения народов и падения Хеттской державы—вместе со всей группой фриго-фракийских племен в Малую Азию. Доказать, что они были фригийцами, нельзя, но вероятно, что они принадлежали к той же группе индоевропейских языков. Во всем этом я полностью согласен с Я. А. Манандяном. Расхождения заключаются в том, что Манандян называет носителей протоармянского языка «арменами», а потому считает, что они появились на Нагорье к востоку от Евфрата лишь в VI в. до н. э., т. е. тогда, когда письменным источником (Бехистунской надписью Дария I) впервые засвидетельствован здесь этноним «армшия» (греч. «армени»). Между XII и VIII вв. до н. э., по Манандяну, «армены» оставались в Малой Азии, где вошли в тесные контакты с хеттской и другими культурами полуострова, и лишь в VIII—VI вв. до н. э. заняли Малатю (Мелитену).

Между тем носители протоармянского языка, с моей точки зрения, не могли называться «арменами», так как это не самоназвание (армяне никогда себя так не называли), а иноназвание; при этом нет оснований считать, что они задержались в Малой Азии на целое полутысячелетие или дольше. Я. А. Манандяну не были доступны ассирийские клинописные источники (он воспользовался только вторичной литературой); иначе, несомненно, он смог бы уточнить свои выводы, и между той картиной, какую рисовал он, и той, которую нарисовал я, расхождение бы не возникло.

⁵⁸ Эти соображения имеют мало общего с теми выводами, которые приписывает мне Ишханян на основании отдельных фраз, вырванных из текста моих работ.

⁵⁹ См. прим. 27.

В. Н. Хачатрян и его сторонники полностью игнорируют работу крупнейшего армянского историка, так же как они игнорируют мою работу, и не считают нужным разбирать ни аргументы Манандяна, ни мои.

Как мне самому представляется армянский этногенез, я изложу в форме тезисов.

1. В своей книге, прежде чем перейти непосредственно к проблеме армянского этногенеза, я разбираю принципы подхода к этногенетическим вопросам вообще. Я показываю, что становление народа складывается из трех чаще всего независимых факторов: а) происхождение современного языка народа; б) происхождение антропологического и этнического типа народа, зависящего от биологических его предков; в) происхождение культуры народа. В этой книге я пытался показать, что передвижение языков, хотя оно всегда предполагает наличие известной группы носителей передвигающегося языка, не всегда совпадает с передвижением всей биологической массы народа, и чаще всего эта масса—если она составляет оседлое население—вообще никуда не движется, по крайней мере в древности, и сегодняшнее население какой-либо территории, как правило, является прямыми биологическими потомками древнего населения этой же территории⁶⁰. Полное истребление прежнего населения было чаще всего недостижимо для древних завоевателей, а перенимаемый новый язык чаще всего не был языком завоевателей и, во всяком случае, не насаждался ими насильственно.

Вслед за этим я разбираю в своей книге метод мнимого «обнаружения» древних этносов на основании одного лишь звучания этнонимов и топонимов и показываю, что этот метод совершенно ненадежен: тут часто господствуют неопределенные обобщающие названия («индейцы», «татары», «кавказцы», «хетты» и т. п.). Сходство звучаний подавно не играет роли: раскрыв алфавитный указатель к любому географическому атласу, мы найдем десятки топонимов на «Арм-», «Орм-», «Урм-», «Арам-», «Ором-», «Урум-», и они в 99,9% случаев не имеют к Армении никакого отношения; кроме того, как уже сказано, сами армяне себя «армянами» никогда не называли.

Теоретические разделы моей книги, посвященные проблеме этногенеза вообще и значению этнонимов в частности, полностью прошли мимо моих оппонентов.

2. Армянский язык, будучи индоевропейским, принадлежит к совсем другой группе индоевропейских языков, чем хетто-лувийские, занимавшие Малую Азию начиная с III тысячелетия до н. э. Язык Хайасы, области между верховьями Евфрата и Черным морем, существовавшей не более чем до XIII в. до н. э., с моей точки зрения, определен быть не может по недостатку материала. Но если даже последовать за Г. Б. Джаукяном, который выдвигал гипотезу индоевропейского происхождения языка Хайасы, то этот язык, по данным самого Г. Б. Джаукяна, не был близок к армянскому.

За время существования Хеттского царства (XVIII—XIII вв. до н. э.) в достаточно обильной литературе исторических памятников не обнаруживается признаков этнических передвижений в сторону Армянского нагорья. Это значит, что в места, где он впоследствии был распространен, армянский язык не мог попасть ни вместе с хетто-лувийцами, ни во время существования Хеттской державы, но лишь либо до хетто-лувийцев, либо после падения Хеттской державы.

3. До хетто-лувийцев (например, с IV тыс. до н. э., как думает Р. Пшханян, или с XXV в., как думает В. Н. Хачатрян) посетители армянского языка на Армянское нагорье попасть не могли, поскольку оноастика, топонимика и этнонимика II тысячелетия до н. э., как мы видели, не свидетельствует о наличии на Нагорье в предшествующий период армяноязычного населения; факты, приведенные выше на с. 165—166, определенно говорят против такого предположения. Следовательно, армянский язык мог попасть на Нагорье лишь после хетто-лувийцев и даже после падения Хеттской державы.

⁶⁰ См. об этом подробно в ПАН и в моей статье, опубликованной в ДВ. IV, с. 5—23. Речь идет об эпохе древности. Генцид—явление главным образом нового времени.

Из того обстоятельства, что в древнеармянском много хуррито-урартской субстратной лексики, а в хурритском армянской лексики нет, и в урартском она не выявлена, следует, что племена—носители предка армянского языка вышли на Нагорье, когда оно все еще было занято хурритоязычным и урартязычным населением. Конец XIII в. до н. э.—это последний период существования Хеттской державы и время, когда, по хеттским и ассирийским данным, в верхнеевфратской долине и к северу от верховьев р. Тигра безусловно существовали лувийские и особенно хурритские государственные образования,—должен считаться нижним рубежом, ранее которого армянский язык на Нагорье появиться не мог.

4. Долгое время предполагалось, что армяне появились на Нагорье значительно позже—примерно тогда, когда в надписях зарегистрирован этноним «армении» (VI в. до н. э.). Такая датировка, однако, невозможна, так как у нас имеется достаточно ассирийских, урартских и древнееврейских письменных памятников, относящихся к восточной части Армянского нагорья и к X—VI вв. до н. э., из которых вытекает, что никаких крупных этнических перемещений за этот период здесь не было⁶¹.

Таким образом, наиболее вероятной датой передвижения носителей древнейшего армянского языка на Нагорье является промежуток с начала XII по X вв. до н. э.

5. Ассирийские надписи конца XII в. до н. э. указывают, что около 1165 г. (т. е. лет через двадцать после падения столицы Хеттской державы) в долинах верхнего Евфрата и Арацани (севернее истоков р. Тигр) из страны хеттов появились совершенно новые племена—мушки и еще некоторые; а несколько более поздние ассирийские надписи позволяют заключить, что эти же мушки вскоре перешли, не оставляя скотоводства, к оседлому земледелию примерно здесь же (во всяком случае в стране Алзи—арм. Агдзник, но вероятно и в других районах по верхнему Евфрату и Арацани)⁶². Это—единственное историческое указание на появление новых племен в традиционном районе образования армянской народности; так как ранее армяноязычных племен здесь не было, то естественно отождествить мушков (племена сначала подвижные, лишь к X—IX вв. перешедшие также к оседлому ремеслу, земледелию, виноградарству) со скотоводами—носителями первичной формы армянского языка, затем включившимися в состав оседлого автохтонного населения Нагорья. Заметим, что уровень социального развития здешнего коренного населения должен был неизбежно толкать его к большему объединению, к выработке языка взаимного понимания как объединяющего начала; а история показывает, что такими объединяющими языками чаще всего бывают языки более подвижных скотоводов, например семитов (в особенности арамейцев и арабов на Ближнем Востоке), иранцев и т. п. Точно так же здесь, когда на-

⁶¹ Мы оставляем в стороне набеги ираноязычных киммерийцев и скифов VIII—VII вв. до н. э.: они совершались без женщин и к существенному изменению языковой и этнической ситуации привести не могли. См. I. M. Diakonoff. The Cimmerians.—In: Monumentum Georg Morgenstierne. I. Leiden, 1981, p. 155.

⁶² Ассирийский царь Тиглатпаласар I сообщает, что мушки, вместе с некоторыми другими, по-видимому абхазо-адыгскими, племенами, заняли области Алзи и Пурулумзи (в долине р. Арацани-Муратсу) и что 20 тыс. мушков затем совершили нашествие на долину верхнего Тигра (Кадмухи), где 6.000 из них он взял в плен. Ни из чего не следует, что основная масса мушков при этом ушла из Алзи, а хвастливые заявления ассирийского царя о полном уничтожении даже этой 20-тысячной армии не следует принимать слишком всерьез, как и уверения, будто он покорил и все остальные переселившиеся племена. Нельзя также утверждать, что он действительно переселил всех илсных мушков, касков и урумеев в Верхнюю Месопотамию, хотя он мог переселить туда некоторые их группы. Р. Д. Барнетт предлагал видеть в потомках этих переселенцев неких «мигдонцев», или «мосхенов», которых упоминают в Месопотамии много позднейшие авторы—Страбон и Плиний. См. ПАН, с. 123—124, 138, 151.

стала пора разноязычным племенам стать одним народом, объединяющим языком этого народа вполне естественно стал именно и только протоармянский⁶³.

Эти мушки,—которых мы далее будем именовать «восточными мушками»,—никак не могут быть отождествлены с фригийцами, потому что в XII в., когда «восточные мушки» успели уже перейти Евфрат, фригийцы перешли разве что Геллеспонт (Дарданеллы), создав культуру Троя VII b на развалинах гомеровской Трои около 1200 г. н. э., вероятно, разрушив крепость Бейджесулан, видимо, в X в. до н. э. К IX в. до н. э. предположительно относится возникновение раннефригийского царства в Малой Фригии у Геллеспонта (указание Т. А. Моисеевой). Фригийское царство в центральной Малой Азии (значительно дальше к западу) надежно засвидетельствовано лишь в начале VIII в. до н. э. И нет никаких данных о наличии фригийского населения восточнее Киликийского Тавра в какое бы то ни было время.

6. Этнонимический термин *mys-, mus/s-* был распространен в древности от Фракии (ныне Болгарии—*Mysia, Moesia*) к области фракийских переселенцев в Малой Азии VIII (?) в. до н. э. (*Mysoi*) и далее к фригийцам, которых еще не было в Малой Азии хеттского периода, но которые создали в ее центре большое царство после хеттов, вероятно в IX—VIII вв. до н. э. или несколько раньше (лувийск. *Musa-*). Ассирийцы, урарты и древние евреи называли фригийцев *Muski, Muski* (евр. *Msq, *Mosak'*, ошибочно *Mašak' < *Musku*). Иначе говоря, они называли фригийцев точно так же, как упомянутых выше мушков (*Muski*, лувийское *Muska*), поселившихся на верхнем Евфрате и на Арацани. Однако фригийцы, или «западные мушки», не идентичны этим «восточным мушкам»: это только их тезки в словоупотреблении их соседей. Очевидно, как нередко бывает в истории⁶⁴, более отдаленные соседи называли одинаково два разных, но во многом сходных народа; лишь лувийцы, более близкие территориально, могли их различать. Название *Muski* принадлежало первоначально и по праву «восточным мушкам», т. е. носителям протоармянского языка; суффикс *-k-* следует толковать как армянский суффикс множественного числа *-k'*, что безупречно в смысле лингвистического рефлекса⁶⁵.

7. Разумеется, то обстоятельство, что соседи обозначали все эти протоармянские, фригийские и фракийские племена практически одним и тем же этнонимом⁶⁶, пока-

⁶³ На древнем Востоке неизвестны случаи навязывания населению победителями своего языка. При слиянии разноязычных племен общим языком становился не язык завоевателей, а язык более широко распространенный, чаще всего—язык вездесущих скотоводов, вообще тех, в чьи руки попадала торговля на местных рынках: в Ассирийской державе—арамейский, на востоке Римской империи—греческий; в Урарту—протоармянский.—Один из царьков евфратской долины VIII в. до н. э. сообщал, что он владеет двенадцатью языками—явное доказательство нужды в общем языке.

⁶⁴ Так, в XVIII—начале XIX вв. русские называли кавказских горцев безразлично «черкесами», «чеченцами», «лезгинцами», хотя те говорили на очень разных языках. Для славян эпохи средневековья все неславяне на западе одинаково были «немцами», термин «влахи, Welsh» и т. п. применялся разными народами и к кельтам, и к французам, италийцам, румынам; любые европейцы, независимо от языка, были на Ближнем Востоке «франками».

⁶⁵ Точно так же город Томса в районе оседания мушков (название это—греческая форма множественного числа) назывался по-урартски *Tumiski*, что передает армянское гипотетическое **Tomis-k'* и доказывает наличие здесь армянского языкового элемента во всяком случае до VIII в. до н. э.

⁶⁶ То, что позднеассирийское (с VIII в. до н. э.) и урартское *Muski*, др.-евр. *Mosak'*, *Mašak'* означает именно фригийцев и Фригию, сейчас можно считать твердо установленным фактом (в том числе по ассирийской разведывательно-дипломатиче-

зывает, что между ними было что-то общее, либо в образе жизни, либо в языке, либо в том и другом⁶⁷. И действительно, фракийский, фригийский и армянский претерпели почти идентичное развитие и изменение протоиндоевропейской фонслогической системы, что указывает на их длительное общение и совместное проживание в ранний период истории после отделения от праиндоевропейского единства. На место этого совместного проживания указывает хронология распространения термина *Mus(-k'-); в XII в. «восточные мушки» достигают уже евфратской долины, между X и VIII вв. фригийцы (Musa-, «западные мушки») задерживаются в Центральной Анатолии, в VIII в. часть фракийцев (Musoι) занимает лишь северо-запад Малой Азии, в то время как часть их остается на Балканах. Движение с Запада на Восток, и именно с Балкан к Армянскому нагорью, намечается при этом вполне отчетливо. Факт переселения миссов и фригийцев с Балкан в Малую Азию был хорошо известен всем греческим авторам, писавшим об этих народах. Переселение «восточных мушков» ими не упоминается, очевидно, потому, что оно происходило слишком рано для того, чтобы попасть в греческую историческую традицию⁶⁸.

8. Основные общие фонетико-фонологические изменения в центральной группе восточноиндоевропейских языков—армянском, фракийском, фригийском и, вероятно, пеласгском— произошли до ухода в Малую Азию. Это доказывает, что даже наиболее западные—лувийские (не говоря уже о хуррито-урартских) субстратные слова и топонимы в армянском уже не совершали «армянского передвижения». Так, исконно индоевропейский предлог-союз *epi/o (греч. ἐπί) имеет в древнеармянском вид ew— очевидно, результат передвижения губного в положении между гласными: *-p-> *-b-> *-w-|-v- (ср. также hoviv «пастух» < *hovī-po-s). Но лувийский союз ar(p)a, тоже происходящий из и.-е. *epi/o, был воспринят в армянский, со всеми его лувийскими семантическими оттенками, в форме ара, то есть уже после того как переход и.-е. *-p-> арм. -v- завершился.

Мы уже говорили выше, что носители протоармянского принесли с собой, помимо общечеловеческой, и скотоводческую лексику, но названия местных растений и социальных институтов они брали у хуррито-урартов.

9. Из того, что никаких мушков при хеттах в Малой Азии не было, но что в 1165 г. они, тем не менее, пришли в восточноевфратскую долину именно из страны хеттов, можно заключить, что они участвовали в разрушении Хеттской державы (приблизительно между 1190 и 1175 гг. до н. э.). Это разрушение уже давно, по ряду прямых, а также

скоп переписки—см., например, J. N. Postgate. Assyrian Texts and Fragments.—Iraq. XXXV, 1 (1973), p. 21 ff.). Однако фригийцы (в отличие от «восточных мушков») не засвидетельствованы восточнее территории внутри дуги р. Галис (Кызыл-Ирмак) и гор Малоазийского Тавра.—Интересно было бы, кстати, узнать, на каких это «фактах и свидетельствах» базируется Р. Ишханян, утверждая, что фригийцы повторно передвигались из Малой Азии на Балканы и обратно, «причем не один раз» (указ. соч., с. 32).

⁶⁷ О языке фригийцев см.: I. M. Diakonoff, V. P. Negoznak. Phrygian (в печати). Лучшей работой по фракийскому языку остается Д. Дечев. Характеристика на тракийский язык. София, 1952. См. также В. П. Нерознак. Палеобалканские языки. М., 1979.

⁶⁸ Отдельно следует рассматривать вопрос о мосхах, племени южного Причерноморья, вероятно, прогогрузинском по языку. Их нельзя связывать с «восточными мушками», так как грузинский элемент никогда не фиксируется на верхнем Евфрате и Тигре в источниках. Либо «мосхи»—это «иноназвание» халибов, или халдов южного Причерноморья, связанное, возможно, с их временным включением во фригийскую культурно-политическую общность, либо результат контаминации с грузинским этнонимом «мосх».

косвенных, но тоже достаточно веских оснований⁶⁹ связывается в науке с движением «народов моря» XIII—XII вв. до н. э.⁷⁰, включая сюда и Троянскую войну вместе с ее более отдаленными последствиями. По этой причине представляется возможным связать и приход мушков на Армянское нагорье с движением «народов моря» в самом широком смысле—не более этого.

10. Возникает вопрос: если армяноязычные племена действительно продвинулись в XII в. до н. э. на Армянское нагорье, то упоминаются ли они в дальнейшем в местных (ассирийских, урартских, древнееврейских, греческих) источниках, и под каким этнонимом, после того как термин «(восточные) мушки» исчезает из употребления в IX в. до н. э.?

Тут надо отметить, что урартские и особенно ассирийские цари мало интересовались этническим составом населения тех стран, с которыми они воевали и которые упоминаются в их надписях. Племенные союзы как политический фактор, конечно, упоминаются нередко; но если племенной союз распался и на его территории образовалось несколько мелких государств, то упоминаются только эти государства, причем под их традиционными названиями,—например, Алзи, Мелид (Мелитена), Табал. Мы знаем из того же ассирийского источника, который впервые упоминает «(восточных) мушков», что они делились на пять племен, стало быть уже в XII—IX вв. их союз не был целостным единством, ранние же государства всегда возникают как мелкие, «номовые». Однако в быту соседи, конечно, могли иметь для них общее «иноназвание», и даже не для одного этноса, а для группы сходных или связанных между собой этносов (Muski). Есть и другой такой термин—Ḫatti: так ассирийцы и вавилоняне I тысячелетия до н. э. называли все вообще население, жившее к западу от их владений⁷¹. Урартским эквивалентом было Ḫate, с той разницей, что этот термин имел и специфическое значение «Мелитенское царство»; Мелитена по крайней мере до начала VII в. до н. э. имела лувийскую династию (если судить по именам царей), но по ряду соображений (см. об этом ПАН) здесь следует предположить значительное, а может быть и преобладающее армяноязычное население уже в XII—VII вв. до н. э.; по мере того как население территории Урарту перенимало его язык, термин Ḫate мог начать превращаться в обозначение «людей западного, заевфратского (т. е. протоармянского) языка». По-протоармянски этот термин должен был в реконструкции звучать *Ḫat'ios, а его дальнейшее развитие должно было быть точно такое же, как в случае и.-е. *māter, *pātēr «мать», «отец»>протоармянские *mat'ēr, *pat'ir>древнеармянские matg, patg; так и *Ḫat'ios>Ḫayo->hay-. Альтернативно предлагается возведение этнонима Hay(o)- к Ḫaiasa; это не невозможно, хотя и сопряжено с известными историко-лингвистическими трудностями: в hayk' тематический гласный -o-, а не -a-, что уже ставит под сомнение сближение с Ḫaiasa; возведение этнонима hayk' к Ḫaiasa кажется мне менее вероятным также ввиду отсутствия исторически засвидетельствованных связей между Ḫaiasoi и армянами (если, конечно, не отождествлять Ḫaiasu бездоказательно с Наири, с Урарту, с Арме-Шубриен или еще с чем-нибудь).

При разделении этноса на несколько племен, каждое со своим самопозванием, этнос по необходимости объединялся не столько самопозванием, сколько иноназванием, которое давали ему соседи. Но с разных сторон соседи были разные, и понятно, что иноназвание было не одно: по нашему предположению урарты называли протоармян

⁶⁹ Прежде всего об этом прямо говорит современный событиям египетский источник: J. H. Breasted. Ancient Records of Egypt. Chicago, 1927, IV, §§ 33—44, ср. §§ 77, 81, 403; подробнее об этом см. ПАН, с. 102 сл.

⁷⁰ «Народы моря» обитали первоначально, по-видимому, в западной части Малой Азии, на Балканском полуострове и в Греции, а также на островах Средиземного моря.

⁷¹ Хеттский этнос как таковой, по-видимому, целиком вошел в состав лувийцев еще к концу II тыс. до н. э.

Հայե, а переняв их язык, сделали этот термин своим самоназванием: грузины называли тот же этнос *Somexi* (по области Сухму, или Сохму, самой северной из занятых протоармянами областей, граничившей с грузинскими племенами саспиров): арамен называли их *Աղտնաբ* (по области Арме, где протоармяноязычные племена соприкасались с арамеями, откуда и др.-иранск. *Agmīna*); греки называли их сначала «мелиттеянами», по их политическому центру Мелиду, или Мелитте (ныне Малатья), пока не переняли персо-арамейский термин *Արմենու*; также вавилоняне еще в V в. до н. э. называли западную Армению *Melid*⁷².

11. О том, как я смотрю на вопрос фригийско-армянского языкового родства, говорилось выше. Я ныне уточнил мою точку зрения, как она была высказана 25—15 лет тому назад. Надо сказать, что во времена Г. Гюбшмана, А. Мейе, Р. Ачаряна и других ученых, на которых ссылается Р. Ишханян, фригийский язык (или, тем более, фракийский) был совершенно неисследован, лингвисты оперировали полудесятком фригийских словоформ. Однако О. Хааз, более других (хотя и весьма неудачно) занимавшийся фригийским⁷³, считал, что надписи с фригийской графикой скрывают за собой по крайней мере три разных языка, из которых один он определенно полагал родственным древнеармянскому, вопреки утверждению Р. Ишханяна (с. 32). Но уже после написания «Праистории армянского народа» мне удалось, в сотрудничестве с В. П. Нерозианом, составить грамматику⁷⁴ и словарь фригийского языка и предложить переводы некоторых ранее не поддававшихся интерпретации текстов, и теперь я могу с большей уверенностью говорить о характере родственных связей фригийского.

Совершенно справедливо, что армянский принадлежит, вместе с греческим и индоиранским, к одной группе индоевропейских языков, которые я называю «восточной», (С. С. Широков—«южной», а В. В. Иванов и Т. В. Гамкрелидзе—«греко-арийской», или «греко-армяно-арийской»). При этом армянский ближе к греческому и несколько дальше от индоиранского. Однако к той же «восточной» группе принадлежат малоисследованные языки, почти игнорируемые Ивановым и Гамкрелидзе и в сущности вовсе игнорируемые Широковым; эти языки—пеласгский, фригийский и фракийский. Поэтому армянский, будучи родствен греческому и индоиранскому, тем самым родствен и пеласгскому, фракийскому и фригийскому. При этом по гласному составу все восточноиндоевропейские языки делятся на три группы: греческий и, возможно, пеласгский в основном сохраняют праиндоевропейский вокализм, во фригийском, фракийском и армянском *ē, ō* переходят в *i, u*, а в индоиранском *e, ē, o, ō* переходят в *a, ā, a, ā*; по согласному же составу они также делятся на три группы: палатализованные («мягкие») праиндоевропейские **k', *g'* дают в греческом *k, g*, в пеласгском, фракийском и фригийском они дают *k, g* перед сонантами, *c>s, ʒ>z* перед передними гласными, в индоиранском (кроме кафирских) они дают **c>s, *ʒ>*z>* иран. *z*, санскр. *j* во всех случаях; армянский, в деталях передачи палатализованных взрывных отличаясь от всех прочих, стоит между второй группой (пеласгский, фригийский, фракийский) и третьей (индоиранской)⁷⁵. Г. Клычков⁷⁶ справедливо говорит об обусловленности ряда

⁷² См. И. М. Дьяконов. Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э., с. 56.

⁷³ О. Haas. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sophia, 1966.

⁷⁴ И. М. Дьяконов, В. П. Нерозиан. Очерк фригийской морфологии.— Baltistica. II Priedas. Vilnius, 1977, с. 168—198. Полный текст, включая словарь, находится в печати.

⁷⁵ См. об этом подробно в моей статье: ВДН. 1982, №№ 3, 4.

⁷⁶ ВОНА. 1980, № 8, с. 93.

фонетических явлений, в том числе перехода палатализованного *k' и других согласных палатализованной группы в *c и т. п., в армянском языке (отчасти и в других) позиционным окружением согласного в потоке речи. Это еще более верно для фригийского и, вероятно, для фракийского. По исконному лексическому составу армянский ближе к греческому, и то же, по-видимому, в еще большей степени верно относительно фригийского. Сохранившаяся лексика фригийского и во многом глотетически воссоздаваемых фракийского и пеласгского слишком скудна для каких-либо определенных заключений, но, по-видимому, во всех этих языках нащупываются специфические лексические изоглоссы прежде всего с греческим и армянским (и, конечно, между собой). Из других, не-«восточных» индоевропейских языков фракийский и фригийский, как и армянский, обнаруживают гораздо более значительную степень близости к балтославянскому, чем ко всем остальным.

Таким образом, тезис об особой близости армянского к фригийскому и фракийскому, даже более чем к греческому (и при этом, вероятно, к фракийскому более, чем к фригийскому), сохраняется. Прежде всего близость армянского к фракийскому и фригийскому сказывается в очень сходном фонетическом строе. К этому обстоятельству и нужно отнести замечание Евдокса Книдского (а не Родосского, как у Ишханяна) о том, что армяне «в языке своем сильно фригизируют»,—иначе говоря, их произношение очень напоминает фригийское⁷⁷. К Геродоту это указание Евдокса (опять же вопреки Ишханяну) восходить не может: тот говорит нечто совсем иное, а именно, что армяне якобы,—«фригийские отселенцы». Если принимать это выражение буквально, то оно неверно, что и отмечено в моей книге (см. выше, прим. 29). Но если его понимать так, что протоармяноязычные племена пришли на свою окончательную родину с территории, которую занимали хетты, а позже заняли фригийцы, то оно правильно и подтверждается ассирийскими источниками еще XII в. до н. э. Разумеется, ни высказывание Евдокса, ни высказывание Геродота не являются основанием для моей гипотезы, как это совершенно напрасно утверждает Р. Ишханян (с. 31 его статьи).

12. В конце моей книги указывается, что из сопоставления данных Тиглатпаласара I о численности мушков и данных урартского царя Сардурп II о числе повиновенных единиц в Урартской державе можно заключить, что число прибывших на Армянское нагорье мушков составляло, по-видимому, не более 25—30% населения района, затронутого их переселением, и не более 10% всего населения державы. Таким образом, биологическая масса, из которой составилась армянский народ к середине I тысячелетия до н. э., на 90% состояла из урартов, хурритов и отчасти лувийцев. Этим, между прочим, объясняется урартский характер сложившейся в конце концов армянской фонетики (произношение плавных, характер ударения, приведший к утере односложной именной и глагольной праяндроевропейской флексии. Эта флексия сохранялась во фригийском, носители которого заселили фактически опустошенную территорию Хеттской державы, в то время как мушки вошли сначала в состав хурритского государства Алзи и лувийского Мелида, а затем влились в цветущую Урартскую державу)⁷⁸.

⁷⁷ Это, очевидно, относится к произношению долгих гласных *ē, ō* как кратких *i, u*; в области согласных, как мы пытались показать, для армянского стала характерна урартская артикуляция. Кроме того, греческое свидетельство может относиться к периоду до окончательного слияния протоармян с урартами.

⁷⁸ Не исключено, что артикуляционная база армянского диалекта области Ван восходит к хурритской фонетике. Это кажется странным, если иметь в виду, что здесь

Здесь уместно отметить мнение Г. Клычкова⁷⁹, который возражает против понятия «поход», «завоевание» применительно к зачатию Армянского нагорья носителями протоармянского языка. Тут с ним необходимо полностью согласиться. Никакого завоевания мушками Армянского нагорья не было: передвижение языков в древности вообще редко связывалось с завоеванием. Скорее можно говорить о взаимопроникновении, о диффузии—хотя какие-то стычки на Евфрате неизбежно были, но они в то время происходили и между одноязычными племенами. Надпись Тиглатпаласара I подчеркивает совместный характер выступления «восточных мушков» и местных племен против Ассирии⁸⁰. Протоармянский язык был добровольно воспринят местным, более многочисленным населением, сначала как язык общего взаимопонимания между разноразличными племенами (лувийский, хурритский и урартский были взаимно непонятны, да и живые хурритские и урартские диалекты вряд ли были хорошо взаимопонимаемы их посетителями); затем этот язык взаимопонимания—*lingua franca*—вытеснил бытовые диалекты и стал общим языком народа.

Р. Ишханян упрекает меня за то, что тот индоевропейский язык «восточной» группы, который в конце II—начале I тыс. до н. э. соприкоснулся с хурритским, урартским и восточно-лувийским и вытеснил их в быту населения Армянского нагорья, я в своей книге называю не прямо «армянским», а «протоармянским». «Почему,— задает он вопрос,—говоря о других индоевропейских народах (до начала VI в. до н. э.)—греках, хеттах, иранцах, включая мидийцев, фригийцев и др., об их языке и древней истории, И. М. Дьяконов не употребляет приставки *прото-*, *пра-*, *пред-*, говоря же об индоевропейцах-армянах, их языке и истории, он последовательно применяет эти приставки?» В этом обстоятельстве Ишханян видит с моей стороны определенный подвох и ставит мне в вину (с. 34), что я не начинаю своей книги с опровержения утверждений о неиндоевропейском характере армянского языка; по его мнению, я и хотел бы отказать армянам в индоевропейском характере их языка, но не смею противостоять единодушному мнению научной общественности⁸¹.

Термин «протоязык» широко распространен в специальной лингвистической литературе применительно к языку, письменно или устно не засвидетельствованному и ре-

была расположена столица Урарту. Однако вспомним, что сюда она была перенесена, видимо, лишь при Сардури I, а этнический центр Урарту, по-видимому, находился в долине Муцацр-Арднин; народным разговорным языком Тушпы мог быть и диалект, фонетически более близкий к хурритскому, чем письменный язык Урарту. Заметим кстати, что последний, хотя он и родствен хурритскому, но отнюдь не «ново-хурритский».

⁷⁹ Г. Клычков. Указ. соч., с. 90.

⁸⁰ Тиглатпаласар утверждает, что мушки «захватили» страну Кадмухи (на южном берегу Верхнего Тигра), однако кадмухийцы в ходе его войны с мушками оказали сопротивление ассирийскому царю, а не мушкам: АВИИУ I.—ВДИ. 1951, № 2, с. 270.

⁸¹ Не знаю за собой такой научной робости. Обычно я пишу то, что думаю, невзирая на общепринятость тех мнений, которые считаю неправильными. А неиндоевропейским считал армянский язык Н. Я. Марр, «двуприродным»—Г. А. Капанцян, но я тут совершенно не при чем. Несмотря на большое число слоев заимствования (процент заимствованных слов примерно тот же, что в английском), я, разумеется, никогда не сомневался в том, что армянский язык—индоевропейский.

конструируемому сравнительно-историческим методом⁸². Принадлежит он не мне. Термины «протоармянский», «протоармяне» применял, например, Р. Ачарян⁸³, продолжает он применяться в арменистике и в настоящее время⁸⁴. Я называю хеттским, греческим, фригийским, армянским и т. п.⁸⁵ те языки, которые засвидетельствованы письменностью: хеттский и греческий не позже чем с середины II тыс. до н. э., фригийский—с VIII в. до н. э., древнеармянский—с V в. н. э. Можно полагать, что в течение нескольких столетий перед первой письменной фиксацией армянский язык уже не отличался существенно от грабара V в., так как это был язык, уже успевший лечь на урартско-хурритско-лувийский субстрат и претерпеть соответственные фонетические и морфологические изменения (появление фиксированного ударения, утеря односложной внешней флексии и, в связи с этим, перестройка всей морфологической структуры). Протоармянский же—это тот же язык, но в том виде, в каком он существовал до его соприкосновения с другими языками Армянского нагорья, т. е., по моей гипотезе, язык «восточных мушков» XII—IX вв. до н. э., еще существенно отличавшийся от древнеармянского, каким он стал через тысячу лет. Такому моему словоупотреблению имеются еще и собственно лингвистические причины. Еще А. Мейе указывал, что как с лингвистической реальностью языковед в действительности имеет дело только с диалектами; термин «язык» в смысле определенного замкнутого лингвистического единства применим только к письменно фиксированному языку. На «пра-стадии» языкового развития никакого «языка» на самом деле существовать не может: то, что мы условно (для краткости) называем «праязыком» или «протоязыком», есть пучок (кластер) диалектов, хотя лишь реконструируемых, но реально существовавших (и менявшихся) в течение определенного периода времени и на некоторой протяженной территории. Поэтому в ряде случаев мы не вправе опустить приставку «пра-», «прото-». В этом смысле я говорю о «протоармянском», «протогрузинском», и мне непонятно, почему это вызывает у Р. Пшханяна отрицательные эмоции⁸⁶.

⁸² Можно обойтись без приставки «пра-», «прото-» там, где название реконструируемого праязыка (или, вернее, пучка, так называемого кластера диалектов) традиционно отличается от обозначения позднейших языков или диалектов-потомков («индоиранский», «индоарийский», «иранский») — потому что особого письменно зарегистрированного или живого языка, который бы назывался «иранским», нет (государственный язык Ирана — персидский).

⁸³ Հր. Աճառյան. Հայոց լեզվի պատմություն. Կ. I, Երևան, 1940, գլ. 4, с. 105—126: «Протоармянский язык и очерк цивилизации протоармян» (հայրաճայերև, հայրաճայեր).

⁸⁴ Ср., например, R. Godel. An Introduction to Classical Armenian. Wiesbaden, 1975.

⁸⁵ К письменным языкам я отношу и мидийский, потому что считаю ахеменидские так называемые «древнеперсидские» надписи мидийскими по языку с заметным влиянием родного языка писцов — древнеперсидского. См. I. M. Diakonoff. The Origin of the „Old Persian“ Writing...—In: W. B. Henning Memorial Volume. London, s. a., p. 98—124.

⁸⁶ В конце своей статьи Ишханян поучает меня, сообщая, что смешанных языков, как считает современная лингвистика, не существует и не может существовать. Он напрасно тратит силы: в этом я не сомневался еще когда мой критик ходил в школу.

Тут мы—и в излагаемой мною книге, и в настоящем ее изложении—подходим к трудному вопросу: образованию армянского народа; до сих пор речь шла больше о носителях тех или других языков, а это еще не то же самое.

Пафос статьи Ишханяна состоит преимущественно в том, что ему представляется обидным, будто бы я считаю армян пришлыми на их собственной современной родине⁸⁷. Но это не так. Различие между двумя точками зрения на армянский этногенез состоит на самом деле в том, что Р. Ишханян, В. Н. Хачатрян и другие считают своими предками только тех, кто говорил по-армянски и при этом только на Армянском

Я утверждал, что биологические и культурные предки армян, создавшие великие хурритскую и урартскую цивилизации древности, еще не говорили по-армянски, и что из слияния хурритского, урартского, восточно-лувийского и протоармянского народов образовался единый армянский народ, принявший общий армянский, несмешанный, индоевропейский язык и унаследовавший культуру и социальный уровень хурритов, урартов и т. п.; те же языковые элементы, которые сохранились в армянском от языков более древнего населения Нагорья, вошедшего в состав армянского народа, являются лишь субстратом индоевропейского армянского языка. Решая этногенетические вопросы, следует четко представлять себе различие между «смешанными языками», которых не бывает, и заимствованиями в несмешанный язык как из более древнего субстрата (в древнеармянском—из хурритского, лувийского, урартского; или во французском—из галльского, т. е. кельтского, или в русском—из скифских и финно-угорских), так и из синхронных адстратов (в древнеармянском—из парфянского, арамейского, греческого; или в английском—из старофранцузского, в русском—из византийско-греческого, тюркских и т. п.).

Объясняю также, почему я не начал книги с опровержения тезиса о якобы смешанном характере армянского языка. Я не сделал этого потому, что тезис этот распространился было с 30—40-х гг. в Армении под влиянием Г. А. Капанцяна, и нигде вне Армении не нашел сторонников (я не считаю поздних далеких от реальности работ Марра); после же блестящей статьи Л. А. Асмангуляна (Против гипотезы о двуприродности армянского языка.—Вопросы языкознания. 1953, № 6, с. 21) эта гипотеза потеряла авторитет и в Армении, и мне казалось обидным для моих армянских коллег и читателей, если я буду ломиться в открытую дверь, опровергая то, чего давно никто не утверждает.

⁸⁷ Приведу историческую аналогию—одну из очень многих. Французы считают, и справедливо считают, себя потомками галлов; борцу за галльскую свободу Верцингеториксу ставятся памятники; символ Франции—петух, gallus. Французский язык вырос из латыни с галльским акцентом, во французском языке сохраняется много галльских слов. Но, гордясь своим галльским происхождением, французы не менее, а пожалуй и более гордятся тем, что они носители и продолжатели римской культуры. Римляне не насаждали в Галлии латинского языка насильственно—галлы приняли его добровольно; он проникал к ним с последнего века до н. э. в течение последующих столетий (много позже, чем протоармянский к урартам). Армяне вправе относиться к своему доармяноязычному наследию так, как французы относятся к галльскому. Армения, если принять мою теорию, говорит по-армянски вдвое дольше, чем Франция говорит на народной латыни, и втрое дольше, чем Англия говорит по-английски.

нагорье; эти авторы с невообразимой щедростью отказываются от наследия великих цивилизаций, созданных их же собственными предками и на их же собственной родине только потому, что они еще не говорили по-армянски. Я же и те, кто придерживается моей точки зрения, считаем армянский народ потомками и культурными преемниками и протоармян и древневосточных создателей великих культур на Армянском нагорье. Эти культуры—по праву наследие армянского народа. Таким наследием не всякий народ может похвалиться, и слишком расточительно от него отказываться.

ՀԱՅՈՑ ԼԵՁՎԻ ՆԱԽԱՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՇՈՒՐՋԸ

(փաստերի, վկայությունների և տրամաբանության մասին)

Ի. Մ. ԳՅԱԿՈՆՈՎ (Լենինգրադ)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Մույն աշխատության մեջ քննության են առնված այն հողավածները, որոնք լույս են տեսել Հայաստանում՝ հայերի էթնոգենեզին նվիրված բանավեճի կարգով: Հայերենի և հնդեվրոպական մյուս որոշ լեզուների ազգակցության աստիճանի հարցում մենք համամիտ ենք Օ. Շիրրկովի և Գ. Կլիկովի կարծիքներին, սակայն մերժում ենք այն տեսակետը, թե ժամանակին եղած միջլեզվային հարաբերությունների հիման վրա հայերենի գոյությունը՝ այն տարածքում, որտեղ նա ընդհանրապես վկայված է եղել, կարելի է թվագրել մ. թ. ա. II և անգամ III հազարամյակով: Վերլուծելով Վ. Խաչատրյանի և Ռ. Իշխանյանի հողավածները, մենք ցույց ենք առաջի, որ վերջիններիս տեսակետները հիմնավորված չեն: Որոշ ճշգրտումներ մտցնելով հանդերձ, մենք ընդունում ենք Հ. Մանանդյանի այն կարծիքը, թե հայ ժողովուրդը առաջացել է խուրրի-ուրարտական ու մասամբ լուվիական սուբստրատների և նախահայերենի կրողների (որոնք եկել էին Բալկաններին մ. թ. ա. II հազարամյակի վերջում) միախառնումից: Հայկական քաղաքակրթությունը հանդես է գալիս գլխավորապես իբրև խուրրիների, ուրարտացիների և լուվիացիների մեծ քաղաքակրթության ժառանգ: Իրենց լեզվով հայերը շարունակում են նախահայերենի ավանդույթը, ընդ չորսում խուրրիների, ուրարտերենի և լուվիերենի ներդրումն այստեղ մեծ է: